

САМЫЙ
ФРОНТ

р. Ока

Царанцев В.

Без вести пропавшие солдаты Манштейна

Часть вторая

ГРУППА
АРМИЙ
«ЦЕНТР»

Навля

Севск

р. Сейм

Линия фронта
4 июля 1943 г.

Валки

СТЕПНО

ФРОНТ

Владимир Царанцев
Без вести пропавшие солдаты
Манштейна. Часть вторая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42129052

ISBN 9785449651068

Аннотация

Неожиданная встреча в ночном овраге с солдатами Вермахта 1943 года, которые готовились к генеральному наступлению на Курской дуге, поставила автора этих строк перед выбором: помочь людям, неожиданно оказавшимся в сложной ситуации, или отомстить им как захватчикам только за то, что на них надета гитлеровская форма времён Второй мировой войны. Всё-таки с природой что-то случилось, иначе откуда вдруг в наше время появились настоящие немцы, а на землю Украины пришли проклятые людьми бандеровцы.

Содержание

Глава 10	5
Глава 11	78
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Без вести пропавшие солдаты Манштейна Часть вторая

Владимир Царанцев

© Владимир Царанцев, 2019

ISBN 978-5-4496-5106-8 (т. 2)

ISBN 978-5-4496-3766-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 10

Наша машина миновала очередной поворот, и перед нами открылось величественное зрелище мемориала Курской битвы. Строгие лица воинов, выполненные из красной, прочеканенной меди, почерневшей от времени и дождей, выглядели ещё более строгими и мужественными на фоне свежей зелени окружающих мемориал берёз и чистого, голубого неба.

– Идите, ребята, смотрите! Здесь вы увидите много всего интересного, чего вы ещё не видели, – отправил я ребят, чтобы остаться одному и немного посидеть в тишине.

А несостоявшиеся гренадёры давно минувших лет уже стояли перед высоким постаментом с установленным на нём танком «Т-34», вынесшим на своих плечах основную тяжесть войны. Тридцатьчетвёрка горела, тонула, взрывалась, таранила и побеждала, и ей, в её жизни, досталось такое страшное бремя, какое не выдержал бы никакой танк той войны! Вот и стоит она сейчас гордо, без своего экипажа, на пьедестале из красного гранита, и как будто говорит всем: «Посмотрите, какая я красивая и какая грозная! Не шутите со мной!».

Мне из машины было видно, как Генрих читает и переводит текст на памятной доске, закреплённой на постаменте, а дальше их ожидал взмывающий вверх «Як-3», малень-

кий истребитель, взявший на себя основную нагрузку в воздушных боях с люфтваффе на Курской дуге. Пушки и гаубицы, миномёты и блиндажи с траншеями дополняли суровость и реальность того времени, когда здесь, на этих полях, всё горело и взрывалось, грохотало и сливалось в единый и сплошной рёв войны, где полноводной рекой лилась людская кровь или просто испарялась мгновенно.

И было совершенно не понятно нам, людям, выросшим после войны, как в таком огненном аду грохочущих танковых гусениц, падающих горящих самолётов, визга осколков бомб и рвущихся снарядов могли оставаться живыми люди. И не просто оставались, уткнув голову в глубокой воронке, а воевали и сдерживали натиск стальной лавины танков, порой не слыша не только голоса своего соседа по траншее, но и собственного крика. Под пронзительный визг мин и снарядов, в дыму от горящих танков и заживо сгорающих в них танкистов и поднятой пыли этого сражения трудно было гарантировать поражение целей на стороне противника. Огромные потери в ходе сражения были той ценой, которую русские войска вынуждены были заплатить за успех в этом сражении, заставив захлебнуться немецкое наступление.

Можно только строить догадки о том, сколько солдат в танках и траншеях стали жертвами огня своих же снарядов и бомб в зоне боевых действий, но на то она и война. Война всё спишет!

И пока я размышлял в тишине машины и смотрел на эти

лики воинов в металле, куда—то пропали мои подопечные — то ли замеряли толщину наката в блиндаже, то ли что-то уже откручивали от противотанковой пушки, чтобы вернуться из глубокой разведки не с пустыми руками. Пришлось расспрашивать о судьбе моих заново пропавших у женщин, занятых уборкой территории, и выяснилось, что их увели с собой куда-то две женщины. Час от часу не легче! Детсад какой-то, а не оккупанты! Если ребят нигде не видно, то это означает, что музей открыт, и их могли пригласить только туда и, скорее всего, уже жестоко пытаются в его жутких застенках.

Прямо от сердца отлегло, когда я, открыв двери музея, увидел своих ребят, окруживших одну из сотрудниц музея, которая показывала и рассказывала с торжественностью и вдохновением своим внимательным слушателям о цели создания этого музея и о выставленных исторических экспонатах той далёкой и страшной войны, каждый раз бросая восхищённый взгляд на Генриха и радуясь за его прекрасное знание немецкого языка. Интересно, упала бы она в обморок, если бы узнала, что эти милые мальчики только позавчера хотели отправить меня в подвалы гестапо как партизана?

— Мужчина, а музей пока закрыт для посетителей! — остановила меня сотрудница категорическим тоном, оценивающим взглядом сразу исключив меня из элитного списка иностранцев.

– О, мадам, простите, я забыл вас предупредить о том, что мы здесь не одни, и этот мужчина является представителем нашего туристического агентства! – воспитанность Европы лезла аж через край у моего заступника.

– Ну, тогда другое дело, присоединяйтесь к нам. Вам тоже нелишне будет посмотреть и послушать о величайшем сражении на нашей земле! – разрешила строгая мадам мне, не попавшему в её эксклюзивный список гостей, и продолжила рассказывать молодым и очень воспитанным туристам из Германии о плохих манерах их далёких соотечественников.

Поблагодарив милую женщину за приглашение, я тихо отошёл в сторону, чтобы не мешать и не отвлекать её от выученного текста, то есть от разговора со столь редкими здесь посетителями музея. Акустика помещения позволяла, не напрягая слух, слушать обстоятельное и профессиональное объяснение местного гида моим скромным «туристам» истории Курской битвы, которое она проводила с большим знанием своего дела, умудряясь ничего не пропустить и не перепутать часы и даты, номера дивизий и полков, помнить все фамилии командующих с обеих сторон, количество солдат и самолётов, танков и пушек, раненых и пропавших без вести, живых и мёртвых. Наверное, когда об этом говорила женщина, совершенно им не знакомая, а не хитрый партизан со странным отчеством, её слушатели стояли, как в церкви перед причастием, и только крутили головами от неё, рас-

сказывающей, на Генриха, переводившего им её слова.

А как бы в унисон её словам, рядом с ними лежало трофейное или найденное на этих полях знакомое им оружие, уже с налётом ржавчины или совсем ржавое и искорёженное. Целые и пробитые пулями каски, солдатские посмертные жетоны, не разломанные на две половинки и награды, памятные значки за взятие Крита и Крыма, «Железные кресты», документы солдат и офицеров. На полках под стеклом, как-то очень не к месту, лежали фотографии улыбающихся жён и детей, оставшихся в далёкой Германии, которые даже и не знают, что их фотографии лежат в маленьком русском музее, вынутые из нагрудных карманов их убитых отцов. И что бы я ни говорил своим подопечным раньше о той войне и не показывал им, чуть ли не на пальцах, их не так это затрагивало, как увиденное и услышанное здесь от русской женщины о разыгравшемся великом сражении.

Женщина куда-то отошла, а ребята стали медленно переходить от одного экспоната к другому, подолгу останавливаясь около чьих-то раскрытых документов, и тихо делились между собой прочитанным и увиденным, невольно трогая свои солдатские жетоны.

Притушился свет в зале и включился маленький экран на стене музея с документальной кинохроникой обеих враждующих сторон. Под бравурную музыку Вагнера, появилась заставка «Ди Дойтче Вохэншау» – имперский орёл со свастикой в лапах, раскинул свои могучие крылья на фоне вос-

ходящего солнца нового мирового порядка. Уверенный голос диктора Гарри Гиза стал особенно торжественно и радостно рассказывать о движущихся на марше улыбающихся солдатах и приветствующих кинооператора танкистах в облаках пыли, поднятой танковыми гусеницами, пехоте на грузовиках и героических лётчиках люфтваффе на отдыхе под крыльями своих «Юнкерсов». Камера оператора, медленно перемещаясь, снимает фруктовый сад с деревьями, густо усыпанными спелыми яблоками, скорее всего, где-то на полтавском хуторе, судя по характерной мазанке, крытой соломой. Голос диктора с весёлым смехом комментирует отдых солдат, принимающих водные процедуры, сидя в кадучке, а в корыте хозяйки блаженствует офицер с фуражкой на голове. А эти, под весёлый смех своих товарищей, гоняются по двору за хозяйскими курами для своего диетического супа. Другие солдаты, от своей природной доброты, на пыльной сельской улице угощают стайку детей вкусными конфетами – сплошной курорт, а не война!

Моим кинозрителям переводить ничего не надо было, и они смотрели знакомый им киножурнал с фронтовой хроникой всего лишь для них двухдневным сроком давности с большим интересом, свойственным людям их возраста. И тем более таких же солдат, носивших такую же военную форму, как и на тех, ещё живых и весёлых, уверенных в себе и своих товарищах и не знающих ещё, что их ждёт за кромкой светлого экрана. Парни стояли закаменевшие, с лица-

ми, как у умудрённых жизненным опытом и знаниями провидцев, заранее знающих, что ждёт и что случится с теми людьми из киноэкрана через несколько дней.

А настойчивый голос диктора всё расхваливал достижения немецкой промышленности, гениальные идеи инженеров, воплотивших их в сверхмощные танки, которые раскатывают русских солдат своими гусеничными траками по полям России с уникальным чернозёмом, который так нужен «бауэрам» рейха. И сразу, без всякого перехода, с воодушевлением принялся поздравлять немецкую нацию со столь близкой, как никогда, победой, даруемой им их божественным фюрером с гением провидца, но только нужно сделать последнее усилие и принести на алтарь победы последние жертвы.

А русские кадры кинохроники показывали наших солдат, торопливо копающих свои окопы и зарывающих в землю свои пушки по самые стволы и танки по самую башню. Гражданское население, роющее бесчисленные противотанковые рвы, и десятки тысяч километров траншей и блиндажей, прокладывающих к фронту новую железную дорогу. Движущиеся днём и ночью танковые корпуса и полки гвардейских миномётов и шагающая в поднятой пыли матушка-пехота, пехота и пехота, до самого горизонта. Трудяги-сапёры ещё днём ставят десятки тысяч противотанковых и противопехотных мин, да лётчики-истребители летают, пока светит солнце, делая по семь-восемь боевых вылетов в день, вступают в воздушные бои или гоняют по небу фашистские са-

молёты-разведчики, не давая заглянуть врагу далеко за передний край обороны. И только армейская разведка каждую ночь уходит в свой опасный поиск за ценным «языком», чтобы успеть за ночь умыкнуть зазевавшегося вражеского солдата и дотащить его целым до своей траншеи.

А беспристрастная кинокамера немецкого кинооператора, под бравурные марши и спешащего всё сказать диктора, уже показывает приготовившуюся к атаке пехоту, выдвинутые на исходные позиции танки и приготовившихся открыть огонь артиллеристов. Авиационные механики прогревают двигатели самолётов, и оружейников, подвозящих авиабомбы. В полевых госпиталях, устроенных в бывших школах или сельских домах, врачи, с немецкой хозяйственностью, готовятся к приёму первых раненых, а на артиллерийские позиции подносят последние ящики со снарядами. Повара в белых фартуках, подгоняя своих лошадок, спешат убраться от греха подальше с переднего края, уже опустошив свои походные котлы солдатских кухонь и выдав полагающиеся порции шнапса. И по вдруг заметавшемуся объективу кинокамеры в руках оператора, услышавшего, но ещё не понявшего характерного звука приближающихся снарядов, которого он раньше не слышал, стало ясно, что излюбленный приём внезапной ночной атаки с треском провалился.

И только когда совсем рассвело, вновь возобновилась киносъёмка начавшегося наступления немецких войск с невиданным ранее по силе танковым ударом при поддержке ар-

тиллерии и сильной бомбардировке, перепыхивающих передний край русских войск ужасающим ураганом. За наступающими танками стали выдвигаться бронетранспортёры с панцергренадёрами, спешащими закрепиться на прорванной первой линии русской обороны.

Теперь мне уже приходилось крутить головой от экрана на лица ребят, переживающих за своих камрадов по оружию, и их уже не радовали временные успехи на поле боя, с голосом диктора взалёб описывающего доблесть солдат рейха, наперёд его зная, что это продолжится очень недолго. Всего семь страшных дней, и наступление захлебнётся в крови, увязнув в обороне русских войск, теряя перемолотые целые дивизии отборных войск мотопехоты, переброшенных из солнечной Франции. И сейчас на мерцающем экране военной хроники, на солдатских, осунувшихся и безмерно уставших лицах что-то не видно радостных улыбок. Только «тигры» с «пантерами», да уцелевшие «фердинанды» ещё сдерживали натиск русских танков от полного разгрома. Объектив кинокамеры ещё находит в небе редкие звенья «юнкерсов» и «мессершмиттов», но уже небо над Курской дугой полностью принадлежит русской авиации, очистившей его от крестов. Люфтваффе, потеряв в воздушных боях значительную часть опытных воздушных асов, безнаказанно господствующих в небе Испании, Польши и Франции, участвовавших в бомбардировках и воздушных боях над Англией, уже никогда больше не вернёт себе господство в небе,

не успевая подготавливать новых лётчиков для фронта. Да и Герман Геринг нам случайно помог!

В начале Второй мировой войны, как главнокомандующий люфтваффе, он клятвенно обещал, что ни одна бомба не упадёт на землю рейха. И к началу сорок третьего года пустота этих слов ежедневно доказывалась атаками англо-американских бомбардировщиков, которые наносили урон немецкой промышленности и подрывали моральный дух немецкого народа. Чтобы противостоять этому, Геринг отозвал многие эскадрильи истребителей с Восточного фронта на Запад. Это привело к тому, что бои на Восточном фронте велись меньшими силами, и горючего выделялось гораздо меньше для Курской битвы. Авиационные заводы тоже не успевали поставлять новые самолёты в лётные части, так необходимые для поддержки пехоты, а те самолёты, которые и были, всё чаще и чаще не возвращались на свои аэродромы.

Вот и мои пленные, знающие заранее, что в конце концов ожидает наступающие их войска и чем закончится для них эта битва, для пока ещё живых на киноэкране людей, они, как мне показалось, если бы могли это сделать, забрались бы за киноэкран и останавливали бы их, шагающих к своей неминуемой смерти солдат, всеми своими силами.

И как любой человек, болеющий за свою страну, я понимал этих мальчишек, с болью видящих своих весёлых сверстников, пока ещё живых, идущих по просёлочной до-

роге семьдесят лет назад. Но для меня, те, уверенно шагающие на киноэкране, были далеко не мальчиками, а обученное убивать зверьё. Они с жадностью и лютой злобой смотрели сквозь прицелы орудий на наши мирные города и сёла. Вдыхая чистый воздух наших лесов, они злобно смеялись и урчали, чувствуя запах крови наших детей и жён. Это были звери, каких надо было уничтожать всеми силами и где только можно. Уничтожать так, чтобы ни один из них не вернулся к себе домой живым, а если кто и смог бы доползти к порогу своего дома, то только для того, чтобы рассказать всем, что ждёт их в России. Рассказал бы и сдох на пороге!

Смотрю на экран с идущими фашистами, а себя ловлю на мысли, что думаю и о бандеровцах, которые активно сотрудничали с оккупантами, как во фронтовой полосе, так и по всей оккупированной фашистами Украине, выслуживаясь перед нацистами, нападая на мелкие группы русских и польских партизан. И ещё долго после войны они, эти «народные повстанцы», убивали простых селян, семьями и сёлами.

Это чудовище, с трезубцем в руках и фашистской свастикой в своём чёрном сердце, ещё выползет из своей преисподни на Украине, и как бы не в самом центре Киева, превратив прекрасный город в Бандерштадт. Ведь долгие годы, тихо и незаметно, сначала с большой опаской и оглядкой, а потом, обнаглев и получив, сначала молчаливую поддержку, а потом со временем в открытую поддержку своей церк-

ви и власти на Украине, и особенно в её западных областях. Там, где уже с пятидесятих годов прошлого столетия из маленьких лоскутков правды шилось огромное одеяло лжи, которым и накрыли всю страну уже в наше время. Все эти годы, с помощью Америки и Англии, они шли к своей цели, исковеркав и искалечив в лютой злобе свои души, души своих сыновей и жизни внуков. Как раковая опухоль, они, с помощью своей церкви, тихо раскидывали метастазы по всей стране, дожидаясь своего времени.

Мало кто в нашей стране тогда знал, что Украина – это давно расколота страна с двумя различными культурами – западной и восточной. И я с детства знал, что никогда Галичина не будет жить в мире с Малороссией, не говоря уже о России. Всё надеялся, что это были детские опасения и детские обиды! Но нет! Просто тогда я не знал, что линия разлома между этими народами проходит прямо по её центру вот уже несколько столетий. И границы между этими культурами, вскорости станут линиями фронтов. Пусть это будет только моё личное мнение, но я от него, ни за что не отступлюсь!

Неужели никто не видел, что с середины восьмидесятих годов прошлого столетия, по всем западным землям Украины – во Львове, в Тернополе и Стрию, Дрогобыче, Ровно, Ивано-Франковске, в Виннице, и во всех других городах, в деревнях и хуторах свободно развевались красно-чёрные флаги националистов, повсюду ставились памятные кресты

когда-то убитым бандитам или по гетманцам Скоропадского, любовно украшенные венками и лентами. Назревало что-то страшное в стране, знакомое только по художественным фильмам, и мне не верилось, что такое может вернуться в наше время.

Неужели все забыли, как называлась во время прошлой войны столица Галичины? Да, тогда это был город Лемберг с рейхскомиссариатом «Украина», или город Львов, который мы знаем, где с 1941 по 42 годы генерал-губернатором был Карл фон Ляш – палач еврейского и польского народа. Не лучше его был и другой губернатор Галичины – бригаденфюрер СС Отто Вехтер, который проводил политику разделения западных и восточных земель. По его разделению, галицийцы считались тогда почти арийцами, а другие были просто славянами, которые подлежали уничтожению в первую очередь. Хотя значительную часть населения Галиции составляли поляки, они были частично вывезены в Польшу, а остальные благополучно расстреляны на месте. Тогда здесь были золотые денёчки для бандеровцев! Во Львове, до 41-го года, жило больше ста тысяч поляков, а в 47-м, то есть после войны их осталось всего 3 процента. В Дрогобыче, напротив польского древнего костёла с ухоженным сквериком, через дорогу, у глухой стены жилого дома, что стоит перед городской ратушей, было расстрельное место для поляков, евреев и цыган. Если вы мне не верите, то спросите у людей, кто знал тётю Марию Сусюк, с ули-

цы Маяковского. Её три раза бандеровцы ставили к этой стенке, да люди спасали, кто её знал как местную украинку, а не как цыганку. А вот её муж, Павел, как он уверял, бандеровцем не был – он всего лишь, у расстрелянных людей, вырывал золотые коронки. Вот из таких добровольцев в Галиции, в 1943 году, и была создана дивизия СС «Галиция» или «Галицкий легион СС». Но этот «легион», в 44 году, слава Богу, очень быстро, приказал долго жить! Жаль, что не всех!! Не добились!

Около этого польского костёла, с ухоженным сквериком, ещё в 88-году, в тридцати метрах от глухой стены дома, через дорогу, где когда-то бандеровцы расстреливали людей, а теперь внуки недобитых, приволокли и установили, здоровенную каменюку, на которой написали, что на этом месте будет установлен памятник Бандере. Сам видел и очень тогда удивился. Но подумав, я решил, что памятник, здесь, на фоне этого красивого костёла, всё-таки смотрелся бы, но... Но, согласитесь, под этой каменюкой очень смотрелся бы художественно раздавленный Бандера.

Эта недобитая в своё время сволота, люто ненавидела новую Украину и хорошо помнила, где у неё закопано оружие. Перехват такого клада и арест кладокопателей, я наблюдал среди белого дня, в маленьком скверике по улице Грюнвальда в городе Станиславе, в 57 году. Бандеровцы, никогда не забывали что они бандеровцы!

Зная на какой скрытой идеологии все эти послевоенные

десятилетия росла молодёжь западной Украины, я не удивлюсь если вскорости эта бандеровская идеология накроет всю Украину похуже чем Чернобыльская радиация. Даже гораздо хуже! Ведь чтобы защитить всю страну от этой заразы, бетонный саркофаг не сделаешь!

И сейчас, при прямой поддержке ЦРУ, уже выпестовано новое поколение бандеровцев, вскормленное своими президентами – кравчуками, кучмами, и особенно постарался ющенко с его канадской женой, бандеровкой, Екатериной Чумаченко! И ведь появятся очень скоро деятели ещё хуже, чем эти, – ещё жаднее, хитрее и лживее! Каждый из этих убогих гетманов, и каждый по-своему, тянулись, и тянутся – кто к шведам, кто к полякам, к немецким фашистам, а сейчас к американцам. Они всегда были и остались очень похожими своим поведением на девицу, озабоченной только одной мыслью – кому бы отдаться и как можно дороже! Да только кто же возьмёт такую взбалмошную нищенку, чтобы потом не знать, как сбить её со своих рук?!

Национализм – дело хорошее, если он идёт на благо своего народа, а не на возрождение фашизма. И мне кажется, что при такой психопидемии, при таком накале беснующейся толпы на Майдане, без большой крови, без захвата государственной власти бандеровцами, без государственного переворота в этой стране, дело не обойдётся. Но тогда зачем нужны Западу эти шизофреники? Нужны! И очень нужны, но только католической церкви, чтобы оторвать Украину

от православия, но главное от России. А вот здесь уже каждому видно, что на Украину приползла американская демократия, воняющая трусами.

Нет! Без денег Сороса здесь не обошлось! Не зря прикармливала пирожками народ на Майдане эта «сердобольная» англосакская мразь – Нуланд! Мно-ого, очень много миллиардов долларов, как стимул для толпы, потратили они для достижения своей цели, чтобы повернуть очередную, нужную Вашингтону революцию! Вот только на пирожки они опять потратили ровно двадцать четыре доллара – столько, сколько обычно тратили американцы на бусы и зеркальца для наивных индейцев! А кстати! Вы знаете, что такое стимул? Не-а, не знаете! Даже ваши долба... то есть, заумные историки не знают! А стимулом в древнем Рим называли дротик, каким хозяева погоняли ленивого раба. Вот и пирожки этой американки на майдане стали современным стимулом для лучшей жизни украинца. Приятного вам аппетита! Бай Бог чтобы вы наелись!

Неужели судьба Греции, Чехии или Болгарии ни чему не научила Украину? О Латвии, Эстонии или Литвы я вообще молчу! И Украина через пять лет будет жить на уровне стран Центральной Африки! Ведь к власти придут не лучшие её люди, а новые неонацисты, и такое же отродье, какие были в «Нахтигале», «Роланде» или в «Галичине», без чести и совести, приближая свою страну к экономическому самоубийству! Вот тогда точно на прекрасную Украину, нако-

нец-то, снизойдёт настоящее, «долгожданное национальное счастье»! О праве и законности народ Украины может сразу забыть. Так же, как и в годы прошлой войны, бандеровцы будут преследовать учителей, писателей и всех тех, кто их умнее и кто будет проявлять хотя бы малейшее несогласие «новому порядку» – инакомыслия они не потерпят, а там и до евреев доберутся. Какой же это бандера, если у него руки не в крови? Бандера, это позор Украины!

Если ты сейчас прославляешь и кричишь на каждом углу «Слава Украине!», значит, ты уже получил индульгенцию от своей церкви и можешь безнаказанно грабить, убивать, насиловать тех, кто против их нацистской идеологии, кто против униатской церкви, призывающей к убийствам людей не их веры, не их паствы. Всевозможные сектантские общины уже давно запленили Украину, и сейчас для них настало самое «святое» время, которое они не упустят, чтобы наконец-то пробраться в высшие структуры власти страны. Обязательно будут нападения вурдалаков на священников церкви Московского патриархата и изгнание их, будут захваты церквей и монастырей по всей стране. Компартия будет запрещена, и противостоять бандеровцам в Раде уже будет некому. От ненаказуемости за свою развлекуху, при поддержке местной власти, эта бандеровская зараза будет быстро распространяться по стране.

У неонационалистов, когда они дорвутся до власти, вся государственная политика страны будет построена на то-

тальной, чудовищной лжи для своего народа. И не только для своего, но заодно и для «панов», «сэров» и «пэров», чтобы ещё больше настроить их против России. Вот только смогут ли люди на Западе Европы отделить Украинские факты от Украинских вымыслов?

Если уже сейчас на уроках в школах, и тем более на Майдане, новое, подросшее поколение бандеровцев тянет руку в нацистском приветствии и устраивает факельные шествия на улицах городов, то и до «зондеркоманд» осталось совсем не далеко, ведь не даром же с таким усердием вскармливается свой, украинский «бандерюгенд»! Вы хотя бы не позорились перед всем миром своими флагами! Вы хоть знаете, что на ваших жёлто-блакитных флагах раньше, в белом кругу, красовалась или чёрная фашистская свастика или ваш трезубец?

Бандеровцы всеми силами будут стремиться вступить в НАТО, и в итоге, Украина станет мелкой разменной монетой между Европой и Россией. Они пойдут на любую подлость, которая нормальному человеку даже в голову не придёт, только для того, чтобы и самим удержаться у власти и вылить побольше грязи на Россию. Эти молодчики в «вышиванках» – очень хорошие ученики и последователи Геббельса, многому у него научились и даже превзойдут своего учителя во лжи. Вот только к себе на работу, в Центральное украинское телевидение, Геббельса сегодня не взяли бы даже разносчиком кофе – ложь детского уровня на Украине

не нужна!

Скоро Украина станет опасной и трудноизлечимой язвой, и для России, и для лицемерной Европы, превратившись в международного провокатора.

Бедная Украина, в которой происходит деградация народа, окончательно «зыйдэ з глузду», проваливаясь в бездну национальной катастрофы, и вскорости её будут ожидать очень «весёлые времена»! Это будет настоящее самоубийство Украины по-украински! А вернее, самокастрация Украины! Придёт власть лавочников и ростовщиков, власть заокеанских покровителей и местных злыдней! Власть, начавшая свою деятельность с вранья, провокаций и убийств ни когда не остановится – она и дальше будет убивать своих граждан, делать провокации, грабить свой народ и нагло врать всем! Жадность, ложь и страх за свои шкуры, вот чем будет жить эта кучка людей, пришедшая к власти на американских долларах Четверть века национального предательства не прошли даром для Украины!

Что, бандеровцы, вместе с американцами, принесут своему народу счастье и процветание? А вы-то, сами, поверите в этот бред? Ведь этих отморожков с трезубцами в стране не больше одного процента от всего населения, а на уши поставят всех, и не только на Украине. Энтузиазма на Майдане много – был бы толк, но толку от этой вакханалии для народа будет крайне мало – где два украинца, там три гетмана! И для того чтобы запугать свой народ и показать ему, будто

их действительно много, они, как бродячий цирк, будут колесить по Украине, из города в город, со своими бандитскими гастролями, а это уже клиника, и ничего хорошего от них ждать не приходится. Сейчас вы танцуете и скачите на площадях. Сейчас вы герои и патриоты Украины, но какими вы станете через пять лет, когда протрезвеете?

Я не судья украинскому народу, да и кто я такой, чтобы судить его? Ведь судить убогих – это большой грех! Но одного понять не могу: неужели они не нашли себе более достойного кумира, чем выкопанный из могилы, проклятый людьми Бандера, присягнувший когда-то на верность Гитлеру? Этого полутораметрового уroda война спасла от заслуженного наказания в польской тюрьме. Посмотрите на себя! Неужели вы достойны иметь такого кумира, который избивал ногами свою беременную жену?

Для многих миллионов людей нашей страны – Украина, это любимые всеми «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя!

Украина, это зажигательный «Гопак»! Разве можно без радостного волнения смотреть на этот прекрасный танец, который создал народ Украины! А чего стоит стихотворение «Хохлы» Тараса Григорьевича Шевченко! Это же шедевр политической поэзии нашего времени, написанный им ещё в 1851 году!! Как в воду глядел!

Хохол останется хохлом

Хоть ты пусти его в Европу
Где надо действовать умом,
Он напрягает только жопу.
И потому-то на Руси
Завещано аж Мономахом:
«Связаться Боже упаси!
С тремя – жидом, хохлом и ляхом!»

Коварен жид, хотя и слеп;
Кичливый лях – похуже б...и,
Хохол же – съест с тобою хлеб,
И тут же в суп тебе нагадит!

Так что, Украина, это великий Тарас Шевченко, а не кровавый палач Шухевич! Боже! Что же вы делаете и что вы ещё сделаете со своей страной! А ведь Тарас Шевченко ещё в те далёкие годы писал о вас: «...Доборолась Украина до самого краю, гирише ляxiv свои диты её распыняють!» Вещие стихи!

Украинские песни пела вся наша большая страна – в Москве и Санкт-Петербурге, в Хабаровске и Мурманске, на Дону и на Урале. Ни одно застолье не проходило без этих прекрасных песен!

А ты, труп бандеровский, хочешь заставить Украину петь песни убийц? Ты-то хоть сам их помнишь? Если нет, то я тебе напомню! Вот слова твоей песни! Слушай, – «У лиси, у бэрэзому, бийци спочывалы, прыйшов зраднык з Украины, воны ще нэ знали... Ишлы бийци дорогою, тай так размо-

влялы, колы б мы того зрадныка живого спиймалы, мы б з нёго пасы дэрлы, на штыках носылы!» Ты-то хоть задумался над этими словами – «...прыйшов зраднык з Украіны»? А дэ твая рідна зэмля? Галычына? Так и эта земля когда-то была родная русскому князю. Историю нужно знать! Тем более вам!

Не-ет, дорогие мои бандерлоги! Это не наша легендарная песня «Священная война», с которой поднялась вся страна на борьбу с фашизмом! Твоя песня – песня убийц, которую шёпотом пели эти упыри по своим схрамам!

Уму непостижимо, что на Украине вылупился фашизм! Прекрасный и гордый древний город земли русской – Киев, мать всех славянских городов, ты не раз отражал за свою историю набеги чёрных сил, как ты мог сейчас проморгать ползущую по твоей земле змею из западных областей?

Киев, выгляни в свои окна, и ты увидишь, как ни кем не признанные служители униатской церкви, впервые за 300 лет, размахивают крестами и проводят свои раскольничьи службы на твоих улицах, призывая вешать комуняков прямо на майдане!

Или ты, Украина, забыла, как в рамках единой страны, ты, вместе со всеми нашими народами Советского Союза, громила фашизм? Или ты совсем забыла, что в годы Великой Отечественной Войны, на полях сражений с фашизмом, погиб один миллион триста тысяч твоих сынов и дочерей? Или ты, Киев, забыл, что Нюрнбергским трибуналом, в сорок пя-

том году, бандеровцы были признаны пособниками фашистов, присягнувшие на верность Гитлеру? Трибуналом союзников в Великой Отечественной войне, боровшихся с фашизмом – трибуналом народов России, Франции, Англии и Америки!

Нет, не слышит город, трусливо спрятавшийся за оконными занавесками! Ну, тебе не привыкать перед разной поганью ворота открывать! Были поляки, были петлюровцы, скоропадские, а сейчас выползли наследники тех, от кого освобождали Украину в 43-м году. На Украину пришло абсолютное ЗЛО!

А вот Крым бы, «друзья-славяне», надо вернуть России, ведь на Чёрном море, согласитесь, ну ни как не смотрятся ваши «жёлто-блакитные» флаги. Да и не было их там никогда со времён сотворения мира! Чёрное море всегда было Русским морем! Даже во всех документах древней Греции и Византии оно называлось Русским.

И утопающую в цветущей акации Одессу, и Николаев с Херсоном, не вы строили, а бывшая немка, ставшая Великой русской царицей, Екатерина II! И где? На земле, представляющую в то время незаселённую пустыню! За время её правления были построены 144 города (по четыре города в год), а что построили вы? Укры! Харьков строили при царе Алексее Михайловиче в 1630 году, Сумы в 1652 году, Запорожье в 1770 и Днепропетровск в 1776, Луганск в 1795 году. Даже город Донецк строили при Александре II-м в 1869 го-

ду. А вы ни-че-го! Львов польский город, Станислав тоже польский, Дрогобыч, Самбор, Тернополь – все эти города не ваши. Львовскую, Закарпатскую, Станиславскую области вам подарил Сталин в 1939-м году, а всю Новороссию, щедрой рукой отдал Украине Ленин. А это Одесская, Николаевская, Херсонская, Запорожская, Днепропетровская, Донецкая, Луганская с Харьковской областями! Крым украл у России и подарил Украине уже Никита Хрущёв! Ни фи́га себе подарочек!!! Не-ет, друзья-фашисты, по-вашему, не будет! Как там, в Святом писании написано: – Какой мерой меряете, такой и отмерится вам! Да будет так!

И мне бы ещё очень не хотелось, чтобы из-за этих недомков, гибли русские парни, да и ни к чему нам их майда-новские разборки, оплаченные, поддержанные и науськанные Вашингтоном и Евросоюзом, который ждёт не дожждётся в свои объятия Украину, чтобы сделать её ещё более нищей. Это же надо быть такими тупыми гетманами, чтобы своими руками угробить самую богатую и обеспеченную республику Советского Союза, и всего лишь за двадцать три года «самостийной» жизни страны! Но зато, все эти годы, вбивали в голову украинца то, что Запад ему поможет! Неужели американца волнует то, как живёт какой-то там парень в глухомани близ Прилук? Нужны вы ему, этому Западу? Ваша земля им нужна, но не вы! Вы для Запада просто быдло! А, кстати, слово «быдло», это чисто польское слово, и этим словом в панской Польше всегда называли вас, украинцев. Но я ду-

маю, что вы об этом знаете! Ну, так вот! Деньги за проданную вами землю быстро будут потрачены на учёбу детям, на лекарства, на красивую жизнь и налоги, быстренько закончатся, и наступит нищета, и вы, как и ваши прадеды, станете голытьбой! Неужели вы не знаете, что Америке достанутся пончики и пышки, а вам синяки и шишки? Как и при гитлеровцах во времена войны, чернозём будут вывозить составами. Шо, ридну зэмлю мы нэ продаемо? Ещѐ как бу-удите продавать! Куда вы денетесь! И весь лес на Букавине срубите! А чем вам ещѐ торговать? Вы же всю страну уже развалили!! И обязательно скоро поймѐте, что ваша нэзалѣжность не стоит и выеденного яйца. Это не Россия, которая в пятидесятые годы слала на Западную Украину продовольствие, а у самой, на Урале, в магазинах, кроме требухи ничего больше небыло – бочковые грузди были для детей большим деликатесом. Но зато на Украине, в это время, в продаже было обрезное мясо, колбаса «Докторская», «Дрогобычская» и шоколадное масло! Я это знаю лично!

А Украину, всё-таки, как ни крути, Россия профукала!

Сейчас украинские историки будут пытаться переписать всю историю своей страны. Господи, ну какие они историки? Они ведь даже не помнят, что такую же фальсификацию уже пытались делать историки нацистской Германии из «Аненербе», подгоняя её под нацистскую идеологию Гитлера.

Стыдно, уважаемые паны, быть банальными плагиатами! А манипулировать историей в угоду националистов вообще

очень опасное занятие, тем более в угоду своих, доморощенных!

Ни один здравомыслящий историк не сможет отрицать тот факт, что в Советском Союзе, куда входила и Украина, в тридцатых годах был страшный голод, но Украина гадливо решила, что голод был специально устроен только для неё одной.

Вы, умники, вот что скажите мне по секрету! Это, правда, что ваши археологи, вместе с доктором исторических наук Валерием Бебиком, выяснили то, что шестьдесят тысяч лет назад руками трудолюбивых украинцев, то есть, руками древних укров, было выкопано Чёрное море? Он вообще-то у вас вменяемый, этот историк или полный идиот? А землю-то, куда эти укры девали? Карпаты насыпали? Но может быть, это я что-то не понял в вашей Новой истории и котлован под Укрское море рылся не шестьдесят тысяч лет назад, а всё-таки шесть тысяч? Но тогда выходит, что вы уже нагло врёте всем, потому что учёными точно было установлено, что на месте современного Чёрного моря, 8 000 лет назад, было лишь небольшое внутреннее пресное озеро. И лишь благодаря мощной геологической катастрофе оно заполнилось водами Средиземного моря, а заодно подарило библейским летописцам очередную правдивую историю о Всемирном Потопе. Да ладно, чего там! Ну, вырыли всем родом ямку под озерцо, где-нибудь под Жмеринкой! Согласен! И лужа для них морем тогда была. Но зачем же Александра Ма-

кедонского вы так обидели, что человек со своими непобедимыми легионами и думать перестал войной на укров ходить? Откуда мог знать этот тупой грек, что укры, уже в те годы, были страшно крутыми и отметили уже стосороковое тысячелетие своей Укряндии? И чего этот Македонский попёрся туда? Может быть запорожские казаки, возвращаясь из Египта после постройки пирамид для фараонов, спёрли в Греции всех свиней, и он захотел их наказать? Глупый грек! Ведь он не знал, что укры тогда уже были самой продвинутой нацией и основателями Шумерского, Египетского и, кажется, Китайского царства. А как же иначе?! Имея за своими плечами 140000 лет украинской государственности (как уверяют ваши учебники по истории), они всех учили как нужно жить в великом украинском бреде. Ну вы хоть думайте о чём рассказываете своим школьникам!

Ведь согласно официальной науке, Укро хабилиса (укро умелого) в те годы вообще небыло, как и его государства! Да и о каком государстве можно говорить, если последнее оледенение на территории сегодняшней Украины наступило около 110 000 лет тому назад и закончилось 9700 – 9600 тысяч лет до нашей эры, то есть оледенение продолжалось практически 100 000 лет. Ни год, ни 100 лет и ни 1000 лет, а 100 000 лет! У меня к вам вопрос! Какое государство в одной отдельной пещере, как пещера Довбыша, с населением от силы 20 – 30 человек может просуществовать такой срок? В таких условиях жизни никто не выживет! Значит, совре-

менные укры ни чему так и не научились, кроме тотального вранья! Ведь по праву исторического первенства, и благодаря императору Карлу Великому, первыми украми нужно называть, всё-таки, австрийцев, а не питекантропов!

Я вам вот что посоветую! Пока ещё никто до вас не додумался до этого, законодательно объявите в своей Раде о том, что Адам и Ева были украми! Так и назовите их – вуйко Адам и титко Ева! Кстати! Вы об этом точно не знаете! Я прочитал в какой-то древней книге, что Иисус Христос точно был укром За что его и казнили. Гарантирую вам полную победу! Кстати, вы совсем забыли о великом Ное!

Впрочем, чему здесь удивляться? Если они сейчас называют себя потомками каких-то там укров, то так недолго ведь себя причислить и к самому древнему народу на Земле! И не только к самому древнему, но и к самому умному – которые создали уже в те далёкие времена Украинско-Киевское государство. Вы хоть историю своей страны (которая досталась вам в подарок) знаете? Нет, не знаете, а надо бы знать, чтобы над вами не смеялись люди и не проклинали потом ваши внуки!

Когда-то мне попало на глаза поучительное изречение, которое очень подходит к сегодняшней Украине: – История ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков!

Умные слова! Вот только поймут ли их на Украине?

История украинской земли – это история бесконечного провала! Да, крепко достали вороватые президенты свой на-

род! Нищета народная породила этот Майдан! А Майдан породит кровавую гражданскую войну!

Единственной силой, которая сможет противостоять украинским фашистам, будут люди Малороссии, те, кто работает и кормит всё это время Украину, но и они должны знать, что хохол скорее удавится за кусок земли, чем её отдаст. Только ведь шахтёры и металлурги Донбасса не потерпят на своей шее эту бандеровскую мразь! Они никогда не будут восхвалять Бандеру, с его позорной кличкой, то ли «Серый», то ли «Баба», гауптмана Шухевича и Коновальца! И ни когда эти люди не откажутся от своего русского языка и своей истории. Но тогда обязательно появятся свои, киевские гаулейтеры, которые придут на эту землю, чтобы в лучшем случае изгнать живущих там людей или превратить эту землю в резервацию по американским законам.

Чем они будут отличаться от убийц детей Беслана? Да ничем! Убийца, он и в гробу убийца! Люди Донбасса и Луганска, если осмелятся громко сказать «НЕТ» бандеровскому Киеву, самостийной Украине будут не нужны – их не перевоспитаешь и не запугаешь. А это уже будет необъявленная война со своей историей, и своим народом. Война униатских бесов с православием и народной памятью, с малыми детьми и старухами – обязательно придут «кращи диты України» под красно-чёрными флагами, с буквами У. П. А. – бандеровские выродки придут карать народ юго-востока своей страны за послушание. Только не думайте, что Россия оста-

нется в стороне!!

Найдутся среди мирных тружеников Донбасса и свои воины, которые будут защищать свою землю. Ту землю, где родились их деды и прадеды, где сражались с фашизмом их отцы, где росли они и их дети. Где во времена войны с фашистами, освобождая эти края, погибли два с половиной миллиона русских, украинцев, татар и казахов – вот только бандеровцы там были по ту сторону нейтральной полосы. Нет ни одного документа в военных архивах Германии, где было сказано о том, что Вермахту был нанесён хоть какой-либо маломальский ущерб от боевиков! Но зато, эти ублюдки стреляли исподтишка в спину русскому солдату ещё восемь лет после 45-го года. Я, своими глазами, видел как в 1955-м году один бандеровец с автоматом на шее, белым днём, когда мы, дети, играли на улице, добровольно пошёл сдаваться.

И я не думаю, что эта земля легко достанется новым поборникам фашизма, а это значит, что обязательно будет кровопролитная гражданская война украинца с украинцем – готовься, Украина, принимать гробы и благодари за это своих президентов, потому что в гражданской войне нет победителей. Единственным победителем в этой войне будет бюро ритуальных услуг. Ведь бандиты не солдаты, и далеко не каждая мать на Украине сможет обнять своего сына, даже мёртвого. Вы, наверное, забыли, что все матери плачут одинаково. Но почему-то мне кажется, что те, кто больше всего кричит на Майдане о самостоятельности Украины и проклиная

ет этих клятых москалей, первыми спрячутся от этой войны в той же Польше или в Венгрии, а то и за спиной обруганного ими москаля!

Неужели вы не понимаете, что раскол Украины будет означать катастрофу для её западных районов, которые лишаться финансовой поддержки и, главное, промышленного потенциала восточных областей, которые укрепляют и, по сути, кормят всю Украину? Это будет означать окончательную нищету народа в западных областях страны, которые и так живут с протянутой рукой! Если, конечно, бандеровский Киев не додумается вывозить станки и оборудование из заводов Харькова, Запорожья, Кременчуга и остальных городов Восточной Украины в западные города страны, прекрасно понимая, что люди, и сама земля Донбасса, не примет вас ни при каких условиях! И вы будите грабить всё чтобы самим выжить, всё, что попадётся под руку: станки и машины, телевизоры и ковры с унитазами в домах брошенных хозяевами, которые бросят всё нажитое своим трудом, уходя от надвигающейся чумы. Вы хорошо помните рассказы своих дедов, как они убивали и грабили во время той войны своих же украинцев, белорусов и поляков. Это у вас в крови, с этим вы и сдохните! Но награбленные на Востоке станки, вы, скорее всего, сдадите в чермет, ведь Евросоюзу нужны только рабы и рынок сбыта.

Будем надеяться, что рано или поздно страны Европы, и особенно страдающий склерозом народ Польши, поймёт,

какое чудовище опять вылупилось на Украине. Возможно, (если они не настолько тупые) даже вспомнят в этой Польше, сколько русских и украинских парней погибло в той войне с фашизмом, освобождая их страну от коричневой чумы, чтобы дети полячек не сгорели заживо в печах крематориев. Забыли? Или вы всё-таки настолько тупые, что забыли кто потушил эти страшные печи? Забыли!! И лижите задницу у дяди Сэма, что бы в Польше он разместил американские ракеты поближе к русским границам, Дурачье! Не сгорели в газовых печах, так сгорите в атомном огне. Шесть миллионов поляков погибли тогда от рук фашистов! Не освободили русские солдаты вашу страну, эти «гарни хлопцы», такие как Иван Деденюк и Шухевич с Бандерой, очень быстро сделали бы из вас душистое мыло! Нет! Навряд ли из вас получилось бы что-то душистое! Ведь у вас, у поляков, напрочь отсутствует память! Да и совесть заодно! Как вы могли забыть о том, как в страшные годы войны, ещё в 44—45 годы, когда и Гитлера-то ещё не задавили, Россия передала вам 130 000 тонн продовольствия, 2000 грузовых машин, бензовозы, посевное зерно и трактора. В то время когда моя страна лежала в руинах и народ голодал, вам,, русские, оказали помощь на 1,5 миллиарда рублей! А сейчас вы с памятниками русским солдатам, вы,, вздумали воевать! У вас, Господь бог, точно, отнял мозги!! Как после такого, к этому вашему оголтелому вандализму, должны относиться русские люди? Даже со своими солдатами, освобождавшими свою

родину от фашизма, вы воюете! А ведь русские люди спасли вас, переполнив, на свою голову, польскую землю своими могилами. Если написать все имена русских солдат погибших в Польше на Памятной стене, то эта стена была бы длинной в 10 километров. Вы, поляки, должны молиться на каждого нашего погибшего солдата поимённо, а вы... Только за время форсирования вашей Вислы, вода в этой реке на четыре километра стала красной от крови наших солдат. И если бы наши наступающие войска не остановились перед Вислой, подтягивая ближе к переднему краю наши войсковые базы снабжения, то на земле Польши погибли не 600 000 тысяч наших солдат, а в два раза больше! А ведь впереди у наших войск лежала вся Польша, и ещё был и Одер, где погибли ещё сорок тысяч наших солдат. Но это оказалась неудобная для Польши история страны. История, которую и там, в Польше, старательно переписывают в школьных учебниках! А ведь для памяти полякам нужно всего-то две вещи: умный священник и знающий учитель истории! Но мы-то помним, как после прихода к власти Пилсудского, поляками были взорваны все православные храмы в вашей стране. Так что память у нас хорошая, а если ты, Польша, считаешь своим врагом Россию, то навсегда запомни, что таким врагом как Россия, тебе нужно гордиться!! Наши, русские, солдаты подарили вам свободу! Читайте лучше на ночь Бисмарка, и, может быть, ваша память поправится! Ведь это его слова сказанные о вас: – Глупость, это дар божий, но и ею не стоит

злоупотреблять!

Кто принёс двадцать лет назад в ваши сердца такую злобу к русскому солдату, спасшего вашу страну, и вас заодно? Не помните? Может быть это опять у вас воду мутит «хитромудрая» Англия? Дважды уже предавшая вас – 1 сентября 1939 года и 20 июля 1944 года, в отказе оказания военной помощи во время восстания в Варшаве. Или всё-таки Америка? Но зато вы хорошо помните своих, вами же когда-то проклятых солдат Рейса, из разгромленной армии Крайовой! Таких же убийц, как и бандеровцы! Неужели вы простите тех ублюдков и забудете трагедию 1 июля на Волыни, когда были убиты 80 тысяч поляков? Вот если бы можно было бы поймать всех этих выродков бандеровских и поставить их перед людьми на суд людской – простили бы вы их? Нет! Нельзя такое прощать! Их может простить только Господь Бог! Но для этого их, всех, до одного, нужно было к нему отправить!! А вы простили! Какое мне нужное подыскать слово, чтобы вас не обидеть, и которое бы точно охарактеризовало весь ваш род?

Когда я бывал в Польше, меня всегда удивляло и коробило часто употребляемое поляками в разговоре между собой слово «курва», когда с этим словом сопляк-сын обращался к своей матери или жена к мужу, или добропорядочная бабушка к своей любимой внучке:– Ты, курва, колготочки надела?

Это что? Самоопределение польской нации? НЕ ВЕРЮ!!

Не верю, что простые поляки могут подпадать под это определение! А вот власть – да! Но кто же тогда эту власть выбирал, что сейчас сидит в кресле президента! Скорее всего это опять Англия постаралась!

Мне не верится, что молодые поляки, и тем более убелённые сединой, могли забыть те страшные шесть лет войны! Неужели вы забыли, что вам даже запрещалось тогда говорить по-польски! А во времена Бисмарка запрещалось молиться на польском языке! И никогда не поверю в то, что вы не знали о десятках концлагерей, какие были рядом с вами, поляками, дымящих своими трубами день и ночь, от работающих печей крематория, в которых сжигали ваших бывших соседей-евреев и украинцев, преданных вами же. Или не вы убивали евреев вернувшихся после Победы к себе домой из концлагерей? Вы!! Убивали, потому что вы уже жили в этих домах, в их домах! Разве этого небыло?? Было! Разве не вы выслеживали и гонялись по лесам за узниками, сбежавшими из фашистского лагеря «Собибор»? Вы!! Вы их просто добивали, как это сделали бандеровцы на Украине! Спаслись только те, кто вышел к белорусским партизанам. Может быть вы скажите, что ваше правительство после войны не загоняло в этот же Освенцим украинцев не желающих покинуть Польшу? Загоняло, семьями! Вот мне и страшно хотелось бы узнать:– Когда же вы, наконец-то, поумнеете?

И всё же, наверное, существует вторая Польша, которую я бы не хотел обидеть! Не аморальная и безнравственная,

а добрая, памятливая и сердечная, та Польша, которая встречала цветами и кринкой молока наших уставших солдат! Та Польша, которая помнит русских солдат маршала Ивана Коњева спасших ваш прекрасный город Краков, та Польша, которая помнит о том, как её сын, поляк по рождению, маршал Советского Союза Рокосовский, в 1944 году, спас 50 000 поляков заражённых немцами тифом. Та Польша, которая помнит Анелю Тадеушевну Кжовонь, которая любила тебя всем сердцем и погибла за тебя спасая раненых солдат дивизии Тадеуша Костюшко и за свой подвиг удостоена звания Героя Советского Союза. Та Польша, пановэ, которой гораздо больше, чем в министерских креслах и сейме, где процветает обыкновенное скотство! И ведь это ты, Польша, все эти годы самостоятельности баламутила бандеровское багно на Украине! У вас нет чести, да и не было никогда, а с бесчестными разговаривать бесполезно! Ну что ж, вам виднее как жить дальше! Жизнь длинная, но как бы вы не дожили до четвёртого раздела Польши! Подонки!

А вы, будущие солдаты России, помните всегда о неблагодарной Польше и делайте для себя выводы!

Давно прошли те времена, когда Пилсудский мечтал, что Польша будет простираться от моря до моря, от Балтийского до Чёрного. А ведь ещё раньше монархи Речи Посполитой претендовали на троны нескольких ведущих стран Европы. Король польский, великий князь литовский, прусский, наследный князь шведов и готов, избранный великий князь

московский. И это далеко не полный титул Владислава IV – последнего великого короля Польши. Вот с ним и закончился золотой век Речи Посполитой навсегда! Да и чем она сейчас будет кусать!?! Зубы-то давно выпали!

А ведь эта страна и так с тоской вспоминает своё былое величие и национальную гордость. И хорошо помнит обиду, когда её четыре раза за свою историю делили на части, как побеждённую страну (последний раз в 1795 году и в 39-м), и когда почти больше чем сто лет Польши не было на картах мира как самостоятельного государства! А если её ещё и раскачают сейчас воспоминаниями о когда-то утерянных землях и городах Речи Посполитой, «от моря и до моря», то Украине обеспечена головная боль на долгие годы – ей уже сейчас не устоять в своих границах – хотя бы своё, кровное, уладить! А ведь Польша обязательно вспомнит о Львове, Ровно, Дубно, Станиславе и маленьком древнем Кременце. За Польшей предъявят свои претензии Венгрия и Румыния, а может быть и Австрия с Чехословакией. А ведь ты ещё не забывай о Данциге, всей Померании и Селезии с городом Бреслау, ставшим вашим Вроцлавом. Ведь у каждого народа есть своя правда на историю страны, и каждый народ прав в этом по-своему. И что-то мне не верится, что праведники этих стран смогли бы найти общий язык. Вот тогда, где-то там за горизонтом, и начнут поблескивать уже чужие штыки. Ведь как ты ни крутись, а если кто-то стреляет в своё прошлое, то в будущем они услышат грохот чужих пушек. А вы

взяли и ещё вступили в НАТО, и теперь мечтаете об американских ракетах на своей земле. Вы хоть понимаете, что вы наделали? Вы же один раз уже чуть не сгорели в газовых печах, так теперь хотите сгореть в атомном огне?

Почему-то мне кажется, что бы спасти этот зреющий фашистский режим, который очень скоро останется без копейки в кармане, Евросоюз даст Украине необходимые ей деньги, что бы она рассчиталась по своим долгам за ворованный газ у России. Но даст с одним условием, чтобы Украина приняла на свои хлеба бедных арабов и негров, заполнившие города Старого света и ставшие Европе не нужными. Вот тогда Украина станет настоящим отстойником и рассадником бандитизма! Мне жаль Украину! А заодно и Европу!

Ну что ж, правительство новой, панской Украины само выбрало эту дорогу для своей страны, но пойдёт ли по ней весь её народ? Как-никак, а во времена войны с гитлеровской Германией, с этими любимыми друзьями Бандеры – фашистами, погибли пять миллионов мирных украинцев.

Неужели Украина забыла об этом? Или, её новые гетманы, погонят свой народ батогами? Как скот на бойню? Как это сделал когда-то Гитлер со своим народом?

Погас экран, а ребята стояли перед ним и не верили в то, что всё ими увиденное могло произойти с ними наяву, а в их понимании времени – позавчера на рассвете. И не накрой их своим покрывалом этот странный туман, появлению которого они даже не придали никакого значения – не стоя-

ли бы они сейчас живыми в этом музее, перед киноэкраном такими же молодыми, какими провожали их родственники на вокзале города Гамбурга. И, наверное, они всё-таки поверили в то, к чему подготавливал я их в эти дни постоянно и очень осторожно, как тяжелобольных в палате реанимации, умело сочетая вкусное мясо копчёных кур с интенсивной физиотерапией, чтобы этот прыжок во времени был воспринят ими не так болезненно, а появившийся перед ними марсианин был воспринят ими как само собой разумеющееся.

Ко мне подошла сотрудница музея, и было видно, что эта умная женщина заметила что-то необычное в этих ребятах, которых так затронула старая киноплёнка прошедшей войны, которые восприняли её как свою личную трагедию.

– Даже трудно поверить, что эти молодые люди так проникновенно воспримут нашу величайшую битву в истории Отечественной войны, и кто? Внуки тех солдат, которые и развязали эту кровопролитную войну, унёсшую миллионы человеческих жизней! Поразительно! Родители хороших ребят воспитали – умных, думающих и воспитанных! Удивительные дети! Я наблюдала за ними во время демонстрации документального фильма и видела, как они переживали каждую секунду и за каждого солдата. Как будто они были там, с ними, за экраном, шагая по полям с уверенностью в свою правоту и превосходство над теми, кто их уже ждал там, впереди, за минными полями и щитками нацеленных орудий.

Большой души и с добрым сердцем эти ребята! – растроганно говорила женщина, умиляясь моими пленными панцер-гренадёрами.

– И мне нравятся эти ребята! Они такие непосредственные, особенно вон тот, в очках! Ну, просто типичный немец, мне так и охото его приголубить! А если ещё одеть его в вашу выставленную за витриной солдатскую форму, то и не отличить от солдат из показанного фильма, – убедительно поддержал я её мнение.

– Да, вы очень точно подметили, ему бы очень подошла эта форма. Она бы сделала его более мужественным и взрослым, – согласилась со мной проникательная женщина.

– А вот этот, щуплый и белобрысый, прекрасно играет на органе, – заслуженно похвалил я Курта.

– Я сразу поняла, что это необычные ребята! Поразительно и непонятно, как могли родители отпустить этих ребят так далеко от дома! Я бы никогда им не разрешила!

– У нас прямо сходятся мысли на этот счёт! Я сам просто не понимаю, как их можно было отпустить из дома путешествовать автостопом через всю Европу и Белоруссию с её лесами, через Смоленщину и брянские дебри, одних, без горячего питания, с одними рейхсмарками и галетами в кармане! Нет, я бы точно надрал уши подстрекателю такого экстремального круиза и не пустил бы своего сына вообще никуда! Хорошо, что они мне на глаза попались!

– Вы правы! Но хоть деньги у ребят есть! Хорошо, что они

выбрали наш музей для своего общего развития! Да, милые ребята!

«Да, уж! – подумал я, – если бы они ещё и остались в нём манекенами, то с моих плеч свалилась бы большая гора счастья!»

– Ой, Вы знаете, скоро к нам в область, придет большая группа военных из Германии по международной договорённости поиска и перезахоронениям останков немецких солдат, погибших на Курской дуге. Так что вам очень повезло, что мы сегодня открыты и заняты подготовкой к этому визиту.

– И когда же объявятся столь высокие гости с лопатами? – услышав такую весть, я прямо стал похож на спаниеля, ставшего в стойку почуяв близкую дичь.

– Ну, я не знаю и не могу точно сказать, но нас предупредили, что они могут приехать не сегодня-завтра. Я ведь подумала, что ваши туристы и есть эта делегация.

– У меня к вам будет просьба, очень большая просьба! Вот вам тысяча рублей – берите, берите, я себе ещё нарисую! И вот мой номер телефона. Сейчас, одну минутку! Ага, вот, написал! Коряво, правда, но что-то рука задрожала как у алкаша. Извините меня, но визитки у меня неожиданно закончились! Позвоните мне, как только они появятся, эти высокие гости, в ваш музей – очень вас прошу, позвоните мне! – от такой близкой перспективы избавиться от моих неожиданных родственников, у меня даже давление подскочило.

– Это же и для меня бизнес, сами понимаете, такой визит упустить никак нельзя. Тем более что моим туристам тоже очень бы не мешало присоединиться к поиску останков своих друзей, то есть соотечественников, чтобы выполнить свой гражданский долг в дни своего первого производственного отпуска. Ведь участвовать ещё и в таком мероприятии для них вообще будет незабываемо, – убедительно врал я тётке и сам даже верил в такое благородное чувство, проявленное моими подопечными.

– Ой, что Вы, что Вы, конечно, я всё сделаю, как Вы просите, даже не беспокойтесь! Я даже и за просто так бы позволила, – говорила она, пряча быстро деньги и бумажку с моим номером телефона в карман своего халата.

– Заранее Вам благодарен и надеюсь, что Вы меня не подведёте в таком благородном деле, – раскланивался я перед ней, – всего Вам доброго!

– Гости дорогие! Нам пора ехать в ваш «Хилтон», где вас ждут лучшие повара ресторана нашего города, – погнал я из музея своих туристов с рейхсмарками в карманах.

Распрощавшись с доброй и бескорыстной женщиной, ребята вышли из музея, потрясённые увиденным и ещё больше потрясённые от той правды, которая случилась с ними, и наконец-то осознавшие, что же с ними произошло в далёком прошлом, о чём я им всё время и талдычил все эти дни. Может быть, они ещё не осознали всё до конца, что они в свои семнадцать неполных лет стали ветеранами той далёкой вой-

ны, о какой все знают только по книгам, фильмам и рассказам старших. Той страшной войны, закончившейся для них, так и не начавшись.

– Генрих, если честно, то я очень хочу перекусить и желательно чего-нибудь жидкого и с хорошим куском мяса! Как ты на это смотришь? – обращаясь к нему с таким вопросом, я надеялся хоть как-то, хоть немного отвлечь ребят от только что ими пережитого и перевести их мысли в более понятное им русло. Но парень, глянув на меня, только вяло махнул рукой.

Здесь же, через дорогу, было небольшое кафе, где вкусно готовили прекрасный украинский борщ с хорошим куском сочной телятины и с пампушками, смазанными тёртым чесноком. В маленьком зале было уютно и чисто, и я даже забеспокоился о белизне застеленной скатерти на нашем столе. Но вроде бы никто из парней руки о скатерть не вытирает, и, успокоившись, я отдал всю инициативу выбора блюд в руки Генриха, воспитанного бабушкой-дворянкой. А сам, под тихое жужжание вентиляторов, стал наслаждаться покоем и радужной надеждой в скором избавлении от моих дорогих гостей, невольно слушая где-то звучащую музыку, со вкусом подобранную кем-то из сотрудников этого кафе, терпеливо поджидая официанта, оставившего нам на столе меню своего кафе.

От витаний под небесами фантазий меня отвлек голос моего личного переводчика:

– Скажите, а в этом меню указанная стоимость соответствует цене одной порции или это стоимость всего котла, где она готовилась?

– А что ты выбрал? – поинтересовался я.

– Вот написано: «Уха ростовская, цена 160 р.». «Р» – что это такое?

– Это русский рубль! Ну, как ваша рейхсмарка.

– Ого! Но за 160 рублей можно купить одну корову! – не унимался расчётливый парень.

– Корову ты мог бы и так умыкнуть, если бы чуть больше около своего Манштейна покрутился!

Но парень, как и не слышал меня, сосредоточенно тыкая пальцем по кнопкам калькулятора что-то подсчитывал.

– А у вас хоть хватит денег, чтобы расплатиться за наш обед? Я сейчас подсчитал на калькуляторе, и выходит, что на пятерых едоков, вам наш обед обойдётся в три тысячи восемьсот пятьдесят рублей.

– Ну, если не хватит у нас денег – поедем к заначке и выкопаем наши пулемёты, и разнесём всё здесь в щепки – надо же тебе в России хоть раз пострелять!

– Как говорит мой папа: «Подавать милостыню почётно, вот только принимать её позорно»! Вот вы смеётесь, а мы сидим у вас на шее, и в карманах у нас только наши рейхсмарки!

– Вот и расплачивайся ими! Кто тебе не даёт?

– А что, разве можно? – удивился мой Фома.

– Шучу, конечно, но моих денег нам хватит, так что успокойся! Знаешь, когда есть деньги, да ещё халявные, как-то легче думается, что не в деньгах счастье когда их тратишь. Главное, что моя жена о них не знает! Вот когда приеду к тебе в гости, то тогда буду кушать в самом дорогом ресторане, с утра до вечера! Так что не думай, что этот обед тебе просто так сойдёт!

– Но сто шестьдесят рублей за тарелку супа – это явный грабёж!

– Генрих, пойми, вода очень дорогая! Артезианская! Пока достанешь её с такой глубины ведрами – семь потов сойдёт!

Мой Фома смотрел на меня, и в его глазах читалось, что он мне почему-то в первый раз не верит. Вообще он какой-то не по возрасту дотошный! До всего хочет докопаться сам, разложить аккуратно всё по полочкам и в итоге получить дубиной по голове. Если русскому человеку можно объяснить теорему Пифагора с её девятью аксиомами при помощи доступного и всенародного мата в течение пары минут, то с немцем этот номер не пройдёт и за день! Лучше бы вспомнил, как та туманность, в которой они просидели целых семьдесят лет, смогла разобрать их тела на молекулы, а мотоциклы... Мотоциклы тоже на молекулы. Наверняка ведь их в этой туманности перемешивало, как в хорошем миксере, и потом, немного подумав, она собрала их по своей технологической сборочной карте, не забыв прицепить все составляющие части по своим местам и даже не перепутала

каску с чем-нибудь похожим. Высочайшая технология и уровень развития! Но без юмора! А жаль! Я бы перепутал!

Вот и долгожданный официант с заказанными мясными салатами!

Расставив перед каждым из нас тарелки, официант ушёл, пожелав всем нам приятного аппетита. И за столом дробно зацокали вилки по тарелкам проголодавшихся иностранных туристов, не забывших навыков пользования этим столовым инструментом за столь долгое отсутствие на брэнной земле, и тарелки недолго оставались с салатами. А глаза уже стреляли в сторону ушедшего официанта, с нетерпением ожидая появления основного блюда. Но особого нетерпения, свойственного оккупантам, они не высказывали, а сидели за столом чинно, как молоденькие воспитанницы монастыря кармелиток. Наконец-то принесли заказанный мною борщ, и уже на меня уставились три пары глаз, с недоумением увидев перед собой национальное славянское блюдо. И только один Генрих уже размешивал в тарелке сметану, ища глазами на столе перечницу, что говорило о его знании этого блюда, которое готовила дома его любимая бабушка с русскими корнями. Но перечница была пуста, и пришлось позвать официанта и попросить его принести нам чёрный перец и заодно заменить чуть подветренную горчицу. И если у них есть в наличии чеснок, то мы бы не отказались и от головки чеснока.

Да, борщ был на высоте кулинарного искусства повара,

очень вкусный, и даже было жаль, что тарелка была не столь глубокая, как гусятница, а только разожгла волчий аппетит у людей, не евших горячего и жидкого двое суток, а кое-кто и еще дольше. Наверное, приятно смотреть на дело своих рук, когда видишь проголодавшихся мужиков уплетающих приготовленный тобою борщ за обе щеки, – это повариха с улыбкой наблюдала за нами, высунувшись из раздаточного окна.

Незаметно подошёл наш официант и, извинившись, сказал:

– Вы заказывали жареную рыбу с гарниром, но мы хотим предложить вам нечто другое, более интересное!

У Генриха уши сразу стали торчком, как у ушастого фенька, и, быстро всё пересчитав и умножив на пятерых, спросил:

– А насколько больше это будет выглядеть в финансовом измерении?

– Стоимость будет даже чуть меньше, и мы вместо чая предлагаем вам по стакану кефира. И поверьте, что это будет гораздо вкуснее. Только чуть-чуть подождите!

Против этого предложения Генрих, конечно, не возражал, но уже включённые вкусовые рецепторы были настроены на жареную рыбу, и ему было трудно переключиться на что-то неизвестное. А мне даже стало интересно, что же они хотят предложить нам такое, если даже самостоятельно решили изменить наш заказ?

Генрих вопросительно смотрел на меня, и мне ничего

не оставалось, как поднять свои плечи к ушам и развести в стороны руки.

– Хорошо, мы согласны, – изрёк наш счетовод, хлопнув ладошкой по столу, ну точь-в-точь как президент Украины на подписании договора о поставках газа из России.

Ждать нам пришлось недолго, и мы вскорости увидели нашего официанта, нёсшего на подносе громадную сковороду, накрытую крышкой. Даже закрытая сковорода источала божественные запахи, да такие, что наши руки сами потянулись за ложками. А запах! С убранной крышкой запах жареной картошки с грибами и луком и ароматным перчиком, да посыпанной в меру зеленью, заставил нас поспешно схватиться за ложки, забыть о стоящем рябом официанте. И только проглотив пару ложек, я с удивлённой благодарностью обратился к молодому человеку:

– А где вы взяли такую прелесть? Ведь в наших лесах белых грибов крайне мало?

– Это наше ноу-хау! Ведь наше кафе стоит на оживлённой трассе, и нам один дальнобойщик предложил поставлять партию грибов – и ему хороший бизнес и лишняя копейка, и нам быстрая доставка редкого деликатеса. Мы уже успели засушить их на всю зиму. А осенью будет ещё и клюква!

– Вы, ребята, просто молодцы, и я не удивлюсь, если рядом с вашим кафе вскорости вырастет хороший ресторан со звездой «Мишлен»!

– Ну, кушайте, не буду вам мешать и пойду принесу вам

кефир. Спасибо вам за красивое пожелание нашему кафе!

Картошка с кефиром была ещё вкуснее, а вот сковорода всё же должна быть чуть-чуть больше! У Иоганна очки запотели так, что стали матовыми, и что он в них мог видеть – было для меня загадкой, но вытереть их он не мог, так как рядом мелькали со скоростью молотилок другие ложки. И только звук втягивающегося ртом кефира прерывал перестук работающих инструментов.

Да, молодцы ребята, здорово нас удивили и порадовали местные кулинары! Если и дальше они будут так удивлять своих клиентов, то их ждёт большое будущее на кулинарном поприще, если налоги не задушат!

Расплатившись и от всей души поблагодарив прекрасных специалистов, работающих в этом кафе, мы вышли на свежий воздух сытыми и довольными. Мягкий ветерок приятно обдувал наши лица, несмотря на довольно жаркий день, даже какой-то жгуче-блестящий. Наверное, совсем недавно проехала поливалка, и теперь от этого так ярко отсвечивала зелень листвы деревьев и травы. На горизонте сверкали белые терема кучевых облаков, и ослепительно синело небо. По трассе, как и двадцать лет назад, медленно ехали машины, отдавая долг уважения павшим воинам, знаку ограничения скорости движения и красивой машине ГИБДД, с мирно дремавшими сотрудниками под шелест проезжающих колёс, а может быть, просто прищурившихся от яркого солнца, чтобы лучше видеть далёкого нарушителя.

– Ну что, Генрих, поехали теперь ко мне домой, а то это спаньё по шалашам и в машине мне уже порядком надое-
ло, – обратился я ко всем ребятам. – И пора бы уже обдумать
и найти выход из ситуации, в какую вы угодили.

– Мы и сами об этом думаем каждую минуту. Как мы по-
падём на Родину, как нас встретят и кто? Ведь прошло столь-
ко лет, и наших родителей давно нет уже в живых. А наши
сверстники стали стариками и навряд ли вспомнят, кто мы
такие!

– Да, я согласен с тобой! Очень сложно и крайне тяжело
всё это принять и пережить, но жить-то надо! Так что не рас-
кисай! Просто вспомни, кто для тебя был дорог, и для кого
ты хотел бы жить! Ты ещё закончишь свой институт, и ребята
твои обязательно куда-нибудь поступят учиться, ведь у них
нет никакой специальности, а сидеть на паперти вашей кир-
хи – не долго и гемморой заработать! По крайней мере, у вас,
у каждого, есть куда вернуться, присмотреться к той жиз-
ни, в какой вам придётся жить и зарабатывать на эту жизнь.
И потом, вы молодые и вам нужно будет заводить свою се-
мью, а вот она уже и будет самой главной опорой в вашей
дальнейшей жизни.

– Ребятам легче, у них хоть остались младшие сёстра
и братья, племянники, а я у родителей ведь был совсем один
и никого больше не было!

– Ой, Генрих! Как ты меня сейчас расстроил! Дай я о тебя
свои слёзы вытру! Ну откуда ты знаешь, что у тебя нет брата

или сестрёнки? Ты родился в двадцать пятом году? Значит отец твой на двадцать – двадцать пять лет старше тебя, и что, ты думаешь, твои родители в сорок – сорок пять лет не могли настрогать себе детей, когда получили о тебе известие, что ты без вести пропал на Восточном фронте? Не поверю ни когда! Да твоя любимая бабушка их бы живьём изгрызла! Ты сам только подумай – бабушка и без внука! Определённо дети у них должны быть! И тебя они ждали до самой смерти. Так что не вешай нос и не забывай свою фамилию и домашний адрес в Гамбурге. Прислушайся ко мне, Максим Робинзоневич Крузо никогда не врёт! А всё, о чём мы с тобой говорили, передай своим ребятам, а то у них уже уши опухли и мозги начинают закипать от усилия что-либо понять из нашего разговора. Пусть лучше русский язык изучают! Пригодится в жизни!

Генрих закатил длинный монолог, сопровождающийся кивками трёх голов, с обязательными вопросами и ответами, подтверждающих, что их дальнейшая жизнь стала хоть как-то для ребят вырисовываться.

– Генрих, а ты заметил, что на ваши разрисованные боевой раскраской лица никто не обратил никакого внимания? Ни в музее, ни в кафе! Ну, в музее люди интеллигентные, подумали, что приехали спортсмены – боксёры на соревнования в Россию. А в кафе точно подумали, что к ним наведались с дружеским визитом крутые бандиты на обед. Да нет, не бандиты! Худые вы уж больно очень! Пожалели они!

Прямо не знаю – кормлю вас, кормлю, и всё без толку! Так, заморыши какие-то! Может, вы в этой своей тучке глистов каких-нибудь подхватили? Или она собрала вас из разобранных на молекулы как-то не так?

– Скажите, пожалуйста, а почему на мемориале нет фамилий солдат, погибших на Курской дуге? – переключился на другую тему Генрих.

– Наших солдат или ваших?

– Ваших, конечно! – с удивлением ответил парень, вытаращив на меня свои глаза от услышанного.

– Ты хоть представляешь, какой величины нужно поставить памятные плиты, чтобы на них уместились все фамилии погибших на этих полях русских солдат и офицеров? У меня вообще складывается такое мнение, что наша планета, где мы с тобой живём, это большой могильник в космосе!

– Но ведь они погибли здесь! Значит, их фамилии должны быть увековечены здесь! И почему вы сказали «русских солдат»? Ведь в Красной армии были солдаты разных национальностей!

– Под словом «русский» подразумевается одно – воин государства Российского, многонационального по своей сути, и ещё потому, что гибель русского воина за землю свою, делает его бессмертным в памяти всего народа страны! Знаешь, у нас есть одна деревня, где её жители создали своими силами сельский мемориал памяти всем погибшим односельчанам, ушедшим на фронт. Там на плитах с фото-

графиями написаны фамилии больше чем двухсот человек, и очень многие с одной фамилией! Только имена да отчества у них разные. Так-то! Целый род лёг в землю, защищая свою страну от фашистов! Хочешь посмотреть?

– Хочу! – твёрдо ответил Генрих, и в подтверждение ещё и кивнул головой.

– Ну что же, для этого нам придётся ехать в Подольхи, а это далеко. Бензина нам хватит, и мы не голодные. Едем?

– Да! Едем, ведь другого случая может и не быть!

– Ну, тогда поедем другой дорогой, совсем сельской, но тоже хорошей, да и автомашин на ней будет меньше обычного. Так что только вечером будем дома. Там, в нашей машине, должны остаться яблоки вкусные, но сильно на них не налегайте – останавливаться нигде не буду!

И опять побежала знакомая дорога с лёгким спуском, бросая под колёса машины бесконечную ленту горячего асфальта, и мне уже стало казаться, что наша дорога никогда не закончится. Можно подумать, что над нами постоянно висит этот сгусток невидимого странного тумана и как бы хочет до конца узнать, как его подопечные смогут заново адаптироваться к восстановленной им жизни.

Вот и поворот дороги с грустной «Катюшей», и ребята уже приветствуют её, как старую знакомую, а наша машина-трудяга – весёлой трелью своих клаксонов. Опять потянулись ухоженные свекольные поля и спеющей пшеницы, разделённые километровыми полями с высокой кукурузой или под-

солнечником, и дорога с бесконечными подъёмами и спусками Среднерусской возвышенности, с редкими лесочками или кустами по краям оврагов, закрепляющими склоны и не позволяющими им резать черноземные поля.

Парни о чём-то разговаривали между собой, и мне было как-то неуютно слышать рядом с собой незнакомую речь людей, которую я не понимал.

– Генрих, ты когда-нибудь видел красу и гордость Военно-морского флота Германии – линкор «Тирпиц»? Всё-таки Гамбург – портовый город со всякими там доками, верфями и эллингами, в чём я слабо разбираюсь.

– А почему Вас заинтересовал линкор «Тирпиц»? У нас не принято говорить о «Тирпице», если вы не хотите, чтобы вами заинтересовалось гестапо.

– Так, приехали! Мне непонятно, то ли ты картошки с грибами переел и у тебя в животе бурчать стало, то ли на солнышке перегрелся? Какое гестапо? Драть тебя, неука бестолкового, надобно чаще за уши, чтобы хоть помнил что-то! И за какие грехи достался мне такой пленный?

– Я не пленный, а без вести пропавший!

– Это мозги у тебя ещё не вернувшиеся! Я тебе задал простой вопрос – видел ли ты «Тирпиц»? Всё! Больше мне ничего не надо!

– Нет, не видел! А зачем вам «Тирпиц»?

– Нет, порой ты бываешь просто невыносим! Когда приедем домой, я тебя точно скормлю Бладу, так и знай! Я к че-

му у тебя спросил про «Тирпица»? Может быть, ты сейчас едешь по земле, по какой ходил человек, который поставил крест на твоём «Тирпице»!

– Но я об этом не слышал! Ведь это же трагедия для Германии!

– И однако это так! Сейчас ты всё ещё витаешь в далёком 43-м году, в июле месяце. Хорошо, тогда будем отсчитывать от этой даты. Значит через шесть месяцев и двадцать два дня, то есть десятого февраля сорок четвёртого года, штурман бомбардировщика капитан Проскурин Алексей Иванович, уроженец этой земли, нашёл линкор, который прятался в норвежском Альтен-фьорде, и его бомбы нанесли серьёзные повреждения «Тирпицу», где его дней через десять и добили английские лётчики.

Расстроенный Генрих сообщил ребятам о нашем разговоре, но остальных эта новость как-то не затронула, и они отнеслись к ней довольно спокойно, похрустывая спелыми яблоками.

После очередного подъёма показалось нужное нам село, вольготно раскинувшееся по пологому распадку тремя широкими улицами добротных домов на два хозяина, но чаще на одного собственника, с обязательными гаражами и хозяйскими постройками, хорошо видимыми с дороги, ведущей в село.

Стоявший в центре села мемориал, поставленный не во славу оружия, а в знак памяти и скорби, был когда-то

обсажен берёзками, а сейчас здесь вымахавшие высокие деревья, укрывающие в солнечные дни мягкой тенью памятные плиты с фамилиями людей, не вернувшихся с войны домой. А на вертикально стоящих стелах прикреплены фотографии людей, когда-то хранившиеся у родственников по семейным альбомам. И никакой помпезности, горящего Вечно-го огня в бронзовой оправе и дорогого красного гранита, но всегда здесь лежат свежие цветы, и даже просто полевые ромашки. Всегда чисто, как будто и нет рядом деревьев с облетающей листвой, ни мусора, ни загнутой ветром бумажки. Даже на первый взгляд видно, как много людей погибло в этой маленькой деревне, защищавших от лютого зверья эту землю и свой мирный край, своих детей и стариков, своих аистов на крышах домов и свои неубранные поля с колосившейся пшеницей. Вы, читающие эти строки, только посмотрите и вдумайтесь, сколько мужских рук перестало ласкать своих жён и детей, сколько песен не спето на весёлых свадьбах, и посчитайте!

Кулабуховы – восемьдесят пять человек!

Гряздиловы – тридцать восемь человек!

Шляховы – двадцать два человека!

Молчановы – двадцать девять человек!

Домоновы – восемнадцать человек!

Маматовы – пятнадцать человек!

И ещё много похоронок с другими фамилиями принес в это село почтальон!

Я не мешал ребятам, а они медленно обходили по кругу это поклонное место – не только сельского масштаба, а всех людей русских, где бы они ни жили, и любой наш человек, находясь здесь, обязательно вспомнит своих родных и родственников, отдавших свои жизни ради того, чтобы жили их дети и внуки.

Обойдя мемориал, Генрих подошёл ко мне и очень серьёзно сказал:

– Прости нас, дядя Максим, меня и моих солдат, за то, что мы пришли на твою землю с оружием в руках! Прости!

– Да чем вы-то виноваты, вы, мальчишки, которым забили мозги фашисты своей звериной идеологией под фанфары и барабанный бой лживой пропаганды о вашем превосходстве, да и не воевали вы! А вот как простить ваших фюреров, эсэсовцев, гестаповцев, полицаев, бандеровское отродье и хиви, предателей из РОА, перебежчиков и трусов? Нет им прощения, и не будет никогда! Особенно своим, славянам! Татаро-монгольское нашествие было более нравственным и человечным, в сравнении с нападением на нашу страну этого фашистского зверья. После того, что они здесь творили, – ни один немец не должен был вернуться домой даже раненым – только трупом ему была дорога в Германию!

Внимательно выслушав меня, парень долго стоял молча, не отводя глаз от длинного перечня фамилий павших воинов, забыв пересказать мои слова своим друзьям, сам всё переваривая и сопоставляя ранее услышанное и увиденное.

Это уже хорошо, что он начинал потихоньку думать как нормальный человек.

– Поехали домой, ребята! У вас сегодня был тяжёлый день! Даже с перебором, как шоковая терапия для тяжелобольных. Вы много узнали, много видели, поняли и много пережили. Поехали домой!

Возвращаться по старой дороге мне не хотелось, да и крюк приличный получался бы, а напрямик было короче, и ехать спокойнее.

Выбранная дорога домой была немного узкая, как все старые дороги, построенные ещё в шестидесятые годы, но без выбитого асфальта с глубокими ямами, а с частыми и новыми чёрными латками, но зато пустая от машин. Только одинокий грузовик вдалеке с натугой поднимался на затяжном подъёме, направляясь куда-то по своим делам, да синяя легковушка торопливо старалась обогнать трудягу, чтобы не быть приятно удивлённой в конце подъёма от неожиданной встречной машины.

Солнце ещё прилично грело голые руки державшие руль, а в машине было тихо от молчащих моих пассажиров и уютно от спокойной музыки, а влетающий ветерок в открытые окна выдувал из голов ребят последние крохи геббельсовской брехни, и заставлял вспомнить ненароком сказанные их родителями крамольные и противоречащие нацистскому строю слова, приводившие их когда-то к возмущённым вспышкам юношеской горячности, а то и к открытому

неповиновению и несогласию со взрослыми, которые ничего не понимают из-за своей отсталости и нежелания посещать собрания местного «партайгеноссе».

Проехали два небольших села, стоявших вдоль дороги недалеко друг от друга, вроде бы одинаковые по застройкам и в то же время абсолютно разные по людям, которые в них живут. Можно было подумать, что одно село не покидала жестокая дизентерия, отнимающая последние силы сельчан, чтобы хоть что-то сделать по благоустройству своего дома. Людей не видно, и только стая собак, увязавшаяся за машиной, возбуждённо гавкая проводила нас из села. А вот второе село неожиданно встретило нас такими же домами из силикатного кирпича, как и в первом селе, но выкрашенными заборами и затейливо перевитыми яркими цветками воротами, умело нарисованными местными художниками. С красивыми ставенками на окнах с интересом разглядывающие нас из-за белоснежных занавесок за неизменными палисадниками с яркими розами. Или просто свежепобеленные с ярко нарисованными цветами по углам и вокруг окон. По-над домами были проложены не широкие дорожки из асфальта от дома к дому, как будто раскатанные по зелёной траве. И даже колодец был украшен теремком, а журавель, уткнувший свой нос в деревянный сруб, выглядел каким-то ухоженным и гордым за своё село, утопающее в садах.

Как-то даже странно выглядела эта броская разница между двумя сёлами-соседями. Вроде бы одна земля, одно солн-

це над головой, а люди, живущие в них разные – одни живут в цветах и чистоте, а другие в навозе!

Лента дороги делала бесконечные повороты, объезжая более крутые склоны, взбиралась на пологие взгорки и сбегала с них, чтобы спрятаться за следующим поворотом и вновь показаться во всю её длину до следующего подъёма или поворота. И после очередного подъёма я увидел необычайное явление, которое никогда не видел раньше наяву, а только в далёкой телепрограмме «В мире животных», да и то один раз.

– Генрих, посмотри вправо и вверх, – быстро сказал я, останавливая машину, и показал ему рукой направление, куда нужно было смотреть, чем сразу отвлек мою команду от затянувшегося молчания и заставил всех открыть рты от удивления или испуга. Это уже кто как отреагировал на увиденную громадную стаю птиц – то ли скворцов, то ли ещё каких-то пичуг, сбившихся в плотный ком из сотен птиц, как большой косяк сардин скучивается, защищаясь от хищников. Так и эти птицы, сбившись в плотный ком, защищались от какого-то хищника и выделяли такие воздушные пируэты или фигуры высшего пилотажа, как будто какая-то компьютерная программа меняла направление, изменяя её форму бессчётное количество раз, но сохраняя плотную массу стаи. Но самого хищника, напавшего на них, мы так и не увидели. Долго стояли мы, наблюдая за этой стаей, как будто только здесь, над этим местом, можно было

исполнять этот волшебный танец, и нам было совершенно непонятно, как в таком плотном клубке не затоптали и не забили крыльями они друг друга.

– Что, вояки, испугались? Наверное, подумали, что это ваша тучка прилетела за вами и так обрадовалась, увидев вас ещё целыми? – упустить такой момент, да чтобы не подшутить над испуганными ребятами, как бы в отместку за тёщинных курей, я никак не мог.

– Если честно сказать, то в первое мгновение я испытал шок от увиденного! Но как же красиво! – восхищённо заговорил, приходя в себя, Генрих, и все остальные подтвердили его слова. – О, «йа», «йа», «натюрлих», шок!

– Ну вот и хорошо! Теперь я буду спать спокойно!

– Это почему же вы будете спать спокойно? – уже зная, что от меня можно ожидать чего угодно, дотошный парень всё-таки решил выяснить всё до конца.

– Генрих, солнышко, пора бы тебе уже знать, что у нас, у славян, есть такая примета: если ты за день не сделал какую-либо гадость другому, то ты всю ночь будешь страдать бессонницей и мучиться из-за утраченных возможностей. Это в большей мере относится к подавляющему числу наших чиновников, но и простой народ от них не отстаёт, понятно?

Долго стоял Генрих, поджав свои губы и недоумённо поглядывая на меня, думая над странными особенностями русских развлечений, и улыбнувшись сказал:

– Надеюсь, это Ваша очередная шутка?

– Да какая это шутка! Это действительность! Есть такой анекдот: – Сидят два хохла... Ты знаешь, кто такие хохлы? Ага, уже лучше! Так вот, один спрашивает другого: «Ты чего такой смурный?» Смурный – это по-русски «грустный»! А другой, ему отвечает: «Та, розумиешь, кумэ, о ци, москали, и газ продають и нафту, и у хати у них тэпло, а мы тильки на Майдане душу гриемо и всэ! Дуже добрэ було, колы б почалась вийна миж Финляндией и Китаем!»

– О чём ты говоришь? Ну причём здесь Финляндия и Китай? Ты хоть знаешь, где Финляндия и где Китай? Чего им между собой делить, да и Россия лежит между ними!

– «Во-во, та нэхай воны хоть огороды о цим москалям повытаптывають! Послухай, кумэ! Давай свои хаты запалымо!» – «О, а цэ навищо?» – «Та шоб у цих клятив москалив, вид нашего дыму, хоть очи повывлазять!»

Генрих дословно и, наверное, удачно перевёл на немецкий язык анекдот своим друзьям, и в машине долго не замолкал смех под тихий шелест колёс по асфальту, катившихся накатом по лёгкому наклону дороги.

Мимо машины проплыл предупреждающий знак «Животные на дороге», когда-то давно установленный на месте перехода через дорогу колхозного стада коров, а сейчас даже следы копыт заросли травой, и только выбитые животными тропинки по склонам оврага говорили о былом большом стаде. Вдалеке, в самом низу спуска дороги, одинокая легковушка стояла на обочине дороги перед очередным подъ-

ёмом, с топчущимся около неё человеком. На дороге всякое случается: то бензин неожиданно закончится у раззявы, или ещё какая-нибудь поломка неожиданная случится. Вот и этот скатился вниз накатом и теперь ждёт, наверное, помощи от проезжающей машины.

– О, какая приятная неожиданность! Познакомься, Генрих, с первым увиденным тобой гаишником!

– Это кто такой?

– Сейчас узнаешь! Только ты, ради бога, молчи и не вмешивайся!

Из-за машины вышел с барской вальяжностью молоденький, но уже мордатенький лейтенантик, помахивая полосатым жезлом дорожно-постовой службы, небрежно приглашая нас к дружескому разговору. Ну что же, уважим человека.

Съехав с асфальта, мы остановились позади его машины и вышли вместе с Генрихом, чтобы узнать причину нашей остановки, а заодно и поближе рассмотреть представителя грозной организации, даже куда хуже, чем НКВД.

– Лейтенант Петренко! Почему Вы нарушаете скоростной режим? – уверенным голосом наделённого властью человека обратился ко мне представитель автоинспекции.

– Не по-о-нял! Я что, ехал слишком медленно или задним ходом? – от такой наглости у меня брови на лоб полезли. Ну, всё ожидал, но услышать такое...

– Вы ещё будете со мной спорить? – наглым тоном, само-

уверенно и не моргнув глазом, пресёк моё безмерное возмущение слуга народа, – мой регистратор определил вашу скорость в девяносто восемь километров в час! Вот, посмотрите!

Всё правильно, табло регистратора показывало «98», но мы-то катились под горку, даже не запуская двигатель, со скоростью не больше двадцати!

– А твой калейдоскоп хоть работает? Может быть, там было ноль девяносто восемь километров? Ты покрути там колёсико!

Но он не слушал и уже открывал какую-то папку, предусмотрительно положенную на капот его машины, и доставал протокол дорожного нарушения.

– Всё, всё работает, не беспокойтесь! Но я могу Вас не наказывать, если Вы возьмёте мою машину на буксир и вытащите меня наверх, а там я и сам до деревни доеду, – поставил мне условие этот наглец.

– Во-первых, мне твоё корыто не за что цеплять, потому что у меня нет форкопа, а во-вторых, буксировочного троса тоже...

– Это уже лучше! Нет буксировочного троса! Может быть, у вас и огнетушителя нет, и аптечка просрочена? – перебив меня на слове, возмущённо и в то же время обрадованно воскликнул блюститель дорожного порядка.

И я только сейчас обратил внимание на то, что на его груди не было личного жетона сотрудника ДПС! Та-ак, а это

что за калич на колёсах без логотипа любимой организации? А на крыше машины вообще какой-то тазик прицеплен вместо мигалки!

Ряженный клоун, войдя в роль всесильного на дороге хозяйина, уже не видел, что я стою перед ним и рассматриваю его, как энтомолог интересную козявку!

– ...за задний мост моим тросом зацепи, – настаивал нахал.

– Ты хоть представляешь, что ты мне предлагаешь? Я ведь задний мост угроблю! А он стоит гораздо больше, чем весь твой тарантас! Знаешь, ты себя лучше за задницу зацепи! – от такого нахальства я уже не сдерживал себя и смеялся над таким глупцом, попавшемся мне на дороге.

И вдруг мы оба услышали сначала доносившуюся издали музыка, потом увидели и выскочивший на горизонте дороги «Мерседес». Сразу забыв обо мне, лжегаишник выбежал на середину дороги с жезлом в одной руке и своим калейдоскопом в другой и стоял с такой решимостью, как железнодорожный обходчик с красным флажком перед разобранными рельсами, ожидая несущийся состав. А «мерс» нёсся явно выше сотни, и вскоре рёв динамиков стал перекрываться визгом хороших тормозов, оставляющих две чёрные полосы на полотне дороги.

Кормящийся на асфальте ну прямо танцевал на месте, как вратарь в воротах, и не мог дождаться, когда же остановится такая денежная тачка! Вот здесь-то у него точно что-то при-

бавится в кармане, и ему некогда было глянуть на меня, рассматривающего самодельную мигалку, сделанную из пластмассового цветочного ящика, в каком хозяйки высаживают цветы на балконе, но с аккуратно вставленными рассеивателями света – наверное, отобранными у какого-то тракториста. Прямо гордость берёт за наш народ – чего только не придумают наши умельцы, чтобы надурить лохов любыми путями и выманить у них деньги!

Генрих с недоумением смотрел на развивающееся перед ним представление, не понимая, почему я вдруг стал так недопустимо резок с представителем столь страшной ГАИ, которой я его когда-то пугал. И пока ряженный пытался перекричать «мерсовские» динамики, я объяснил ему в двух словах, чем же вызвано моё негативное проявление лояльности к власти.

А на дороге уже трое орали, размахивали руками, загибали пальцы и крестились, божились и тыкали в нос какими-то «Прайс-листами» с расценками дорожных нарушений, зывали, как к Всевышнему, к показанию калейдоскопа, пока один из парней, наверное, боясь сорвать свой голос, не выключил в машине магнитофон. И я услышал последние слова лжегаишника:

- ...девятью восемь километров! Какие семьдесят?! Вы что, не видели знака ограничения скорости?
- Какого знака? Здесь отродясь никакого знака не было!
- Так вы ещё и знак не видели? Ну, ребята, вы и влипли!

Протрите глаза! Вон он, отсюда его видно! Ваши документы!

– Командир, ты чё, ваще, давай так договоримся! Пятьсот рублей хватит?

– Скока-скока? Какие «пятьсот»? Вы что, совсем с ума сошли!?! Это же чистая взятка представителю власти! Это уголовное преступление!

– Тада тысяча!

Сошлись на тысяче и буксировкой до ближайшего села.

Этот концерт с интересом слушали ещё трое вышедших из машины ребят, ничегошеньки не понимая в этом бедламе, но своими одинаковыми спортивными костюмами и оригинальной раскраской на лицах внушали явное сомнение в умы сговорившихся сторон, что связываться с ними не стоит.

И хотя одному из них, что был в погонах, было жалко отпускать нас, не содравши шерсть, а двум другим жалко было потерянных денег, ни за что отданных, как бы там ни было, они уже дружной компанией цепляли стальной трос к прицепному устройству на «мерсе» и за буксировочную серьгу выдавшей вида «девятки». Но делалось всё это как-то не так, как это делают с нормальной психикой люди, а как-то дёргано и неестественно нервно.

В конце концов, всё утряслось, и все расселись по своим машинам, а презирающий нас хапуга, даже не глянув на нас, просигналил, давая понять, что можно трогаться. Взревела музыка и, натянув трос, «мерседес» с места рванул так, что

бедную «девятку» сразу замотало по дороге, как пустую консервную банку.

– Генрих, ты знаешь, мне показалось, что эти двое из «мерса» явно чем-то обкурились! Какие-то они одинаково нервные – высказал я своё мнение, – но может быть, я ошибаюсь?

– Что они могли выкурить? – святая душа прошлого тысячелетия могла знать только нюхательный кокаин, и то могла об этом не знать из-за интеллигентности родителей.

– Сейчас столько всякой дури напридумали, что только одних названий перевалило за две сотни. Курят дурь, колются, нюхают, убивают и умирают. Страшная эпидемия захлестнула землю!

Музыка от удаляющихся машин стала тише и вскоре совсем замолчала, скрывшись за подъёмом дороги, и мы, сев в машину, тоже потянулись вдогонку за хитрецом и лохами. А наверху нас ждала очередная неожиданность, но прогнозируемая.

Связка из двух машин неслась вниз так, как будто за ними гналось что-то страшное и незнакомое! Мигалка сверкала, как новогодняя ёлка, и даже до нас донося звук полицейской сирены. «Жигулёнка» мотало по дороге из стороны в сторону, и как он не угодил в оба кювета сразу, было просто непонятно. И вся эта одуревшая команда уже подлетала к окраине деревни.

Что значит для сильного двигателя «Мерседес-Бенца» вы-

тащить на горку лёгкий «Жигулёнок»? Да ничего! Даже не почувствовали, что у них что-то там прицеплено! А когда врубили музыку, тут же вспомнили о заныканных чинариках и, напрочь забыв о своём привязанном, сразу вдавили педаль газа до полика, как вдруг в зеркале заднего вида, совсем неожиданно для себя, увидели они сверкающую полицейскую мигалку и чуть слышно доносившийся до них вой сирены!

– Атаc! Менты на хвосте!

И понеслось! Перепуганный инспектор вцепился в руль, сирена ревёт, мигалка сверкает и требует немедленно остановиться, и севший на хвост мент не отстаёт от несущегося «мерса» ни на метр. Обкуренные наркоманы давят на газ и стараются оторваться от нежелательного хвоста, резко сворачивают в первый попавший переулок и, как гирей на цепи, разносят «жигулёнком» чей-то палисадник у дома.

Но упёртый гаишник не отстаёт! Вот зараза, прицепился! Ещё один поворот, и снова разлетается сзади переломанный штакетник, и взмывают вверх перепуганные куры, спокойно гулявшие у своего дома.

А этот паршивец орёт в машине уже громче чем его сирена и «мэрс» несётся уже к следующему повороту, и сам уже вписывается в него с большим трудом, юзя колёсами почти у самого угла дома. И тут же в этот угол шарахается другим боком бедный взяточник, даже не стараясь вырулить.

Только на следующем повороте, еле увернувшись от лежа-

щего у дома толстеного бревна, защищавшего угол, «мерседес» насаживает на него не в меру настырную погоню и, вырвав у «жигулёнка» из подрамника болты с серьгой, уносится со звенящим по асфальту тросом из разбитой ими деревни.

Да, продешевил, мздоимец! Надо было сразу с них брать тысяч сто пятьдесят на будущий ремонт своей машины. Поскромничал! Вот только интересно знать, что скажет ему дома папа?

Моя команда смотрела на устроенное в деревне ралли с очень большим интересом, в зависимости от того, кто и за кого болел. Они делали ставки на лидера и на аутсайдера, рейхсмарки перетекали из рук в руки и кое-кто уже сколотил неплохое состояние за короткий срок. А Генрих, по ходу дела, объяснял им, почему получился весь этот переполох и от этого ставки увеличивались болеющими за национальную автопромышленность ещё больше, но тут же котировки резко падали от вида сбегających местных жителей с дрекольем к контуженому «жигулёнку» с парившим радиатором.

Теперь разговоров, смеха и весёлых предположений о том, что чувствует сидящий в машине горе-бизнесмен и что он ещё будет чувствовать, когда к нему сбегутся все пострадавшие от разгрома, устроенного в деревне, то нам этого веселья хватит до самого города, уточняя и придумывая новые детали, которые ребятам были не видны, но очень всем

хотелось это видеть во всей красе и звуках!

– Но как же так можно позорить свои погоны? Он же офицер! – Генриху был совершенно непонятен поступок этого человека.

Но разве можно обижаться на убогого, если у него от рождения ума нет? А этот школу закончил, и она, перекрестившись, выставила ему в аттестат по всем предметам троечки и, с богом, проводила за порог! Папочка, заплатив хороший куш, устроил его в институт, но сынок на лекции не ходил, и папе приходилось платить за каждый экзамен. С каждым годом он наглел всё больше и больше, а ума так и не набрался, ну и пристроил папуля его у себя в деревне участковым. А жить-то красиво хочется, вот он и додумался кормиться на асфальте, но и здесь сорвалось! Сплошная неvezуха! И ведь не бедствует, паршивец, с куска на кусок, сидя под крылышком у папашки – вон какая хряпа, аж лоснится! Очень нужную для страны профессию испоганили вот такие проходимцы всех мастей и званий! Ведь в стране люди уважают и гордятся ОМОном и СОБРОм, настоящими мужчинами нашей Родины, сотрудниками МЧС и военнoслужущими армии! А этот потянулся за лёгкими деньгами и доброго слова не заслуживает!

«Мерседес» уже где-то спокойно ехал, оторвавшись от ментовской погони, и вдыхал новые порции заморского зелья. А незапланированный местным начальством «майdan» всё разрастался и набирал силу, взяв в плотное коль-

цо вдрыбадан разбитый «жигулёнок». А более дальновидные и предприимчивые жители села уже побежали ломать свои полусгнившие палисадники и заборы, даже там где трасса устроенного ралли и не проходила. Но ущерб своей собственности надо было показать лицом, да и соседи все подтвердят о сумасшедшем участковом, гонявшемся за невинными пареньками по всем улицам их села, за то, что эти хлопцы, совершенно случайно, показали ему средний палец руки. Может быть, эти мальчишки так определяли, с какой стороны ветер дует? – Так зачем же из-за этого давить наших несущек? Только у меня одной, он, паразит, передушил целых десять, нет, пятнадцать штук! Он и в детстве таким шалопутным и непутёвым был! – раздавался крик на всё село.

А какая-то шустрая бабка уже трясла над его разбитой машиной своей старой, разорванной по этому случаю, подушкой с перьями и навзрыд причитала на всё село о погубленных этим проходимцем её кормильцах! Что теперь ей, старенькой бабулечке, беззащитной и немощной, делать? Хоть сейчас ложись и помирай с голода из-за этого обормота прямо здесь, у его машины!

– Танцевали девки в храме, все претензии к Обаме! Всё, Генрих, поехали! До финала ещё далеко, а всё интересное мы уже увидели! Я только до сих пор не могу понять, с какого будуна милицию переименовали в полицию?

Новоявленный Остап Бендер сидел в машине, втянув голову в плечи, и даже думать не мог о том, чтобы выбрать-

ся из ничем не виноватой машины, и нам было совершенно непонятно, почему – то ли ждал темноты, то ли прихода своего родителя?

Глава 11

Это приключение, увиденное нами от пролога, начавшегося на дороге, до эпилога, разыгравшегося в деревне, подарило такое хорошее настроение, что его нам и правда хватило до самого въезда в город. И если бы не было так жарко даже с открытыми окнами, то можно было бы заехать и посмотреть диораму Курской битвы, для общего развития моих оккупантов. Но ехать в центр города по этому пеклу совершенно не хотелось, а сменить обувь парням на что-то лёгкое всё-таки нужно! Иначе они в своих кроссовках совсем сгорят.

Если их удивили красивые дома пригорода, то от городских многоэтажек они были просто в восторге. Чтобы их удивить ещё раз, а заодно и сделать кое-какие покупки, я заехал на стоянку около нового супермаркета и повёл их на экскурсию в недавно построенный современный магазин. Первое, что их поразило, были двери, которые открывались сами по себе, как только к ним подходил человек. Они долго старались понять, в чём же здесь секрет и кто же так терпеливо открывает им двери, что я уже не выдержал и потащил их к громадному аквариуму с океанскими рыбками разнообразных форм и расцветок. Около этого аквариума можно стоять часами, заморожённо рассматривая медленно плавающих рыб, которые уже не обращали никакого внима-

ния на людей, и только стоя акул патрулировала его по всему пространству, косо поглядывая на любопытных людей. Я не знал, был ли у них дома аквариум, но вид такого громадного объёма воды за стеклом даже меня всегда завораживает.

Поднявшись на верхний этаж на прозрачном лифте, я вдруг понял, что появляться здесь с моими пришельцами из Зазеркалья, не нужно было бы! Зал был полон разными игровыми автоматами, которые стреляли, летали и ездили! Это надо было видеть, с каким интересом и желанием они смотрели и учились у детей, пришедших с папами, как стрелять, что крутить, чтобы машина ехала, а мотоцикл куда-то нёсся по бесконечной дороге. Или на что там нажимать, чтобы мячик попал в кольцо, а руки сами уже доставали из карманов мятые рейхсмарки, чтобы разменять их на монеты. И видя, с каким желанием они хотели бы поиграть в эти не виденные ими ранее игрушки, мне пришлось объяснять Генриху, что сотрудники в обменных пунктах валюты не знают, по какому курсу обмениваются рейхсмарки на рубли. Хорошо хоть добрые люди подсказали, что сначала нужно обменять рейхсмарку на монгольский тугрик, но для этого нужно найти монгола с его валютой, а они – нечастые гости в нашем городе. В общем, получается большая морока! А вы, лбы здоровые – повоевать в «Звёздные войны» можете бесплатно и дома, а вместо строптивного, «ковбойского быка» и на моём Бладе поездите.

– Пошли лучше подберём вам нормальную одежду, а то

на вас уже стали обращать внимание, как на интернатовских переростков! Вместо этих игрушек идите вон лучше на искусственном льду покатайтесь!

– Но у нас ведь коньков нет! – Генрих смотрел на меня таким взглядом, будто только сейчас заметил, что у меня не всё в порядке с головой.

– А чего вы тогда приехали в Россию и не взяли с собой коньки? Знали ведь, что у нас льда и снега, больше чем песка в Сахаре! Пошли тогда искать вам одежду!

Подойдя к эскалатору, мы столкнулись с ещё одной проблемой в виде куда-то убегающих ступенек, на которые становиться никому из моих героев добровольно не хотелось, а протолкавшаяся сквозь них стайка мальчишек плавно поехала вниз, о чём-то оживлённо хвастаясь друг перед другом. Волей-неволей и им пришлось сделать этот страшный первый шаг, который понравился им так, что всем захотелось его повторить и спуститься вниз, но уже на поднимающейся вверх лестнице. И это так понравилось молодым туристам из-за границы, что им сделал замечание бдительный сотрудник охраны. Пришлось мне извиняться за них и объяснять человеку, что ребята из далёкой Лапландии и эскалатор видят первый раз в жизни – видите, какие у них счастливые лица?

Охранник тоже оказался с юмором и предложил одному из парней подняться вверх по движущемуся эскалатору вниз – наверное, для того, что бы хоть как-то разнообразить

свою нелёгкую смену дежурства. Теперь пришлось уже Генриху напоминать, что он не кто-то там, а ефрейтор, и Курт долго шагал по лестнице, под весёлый смех своих друзей и посетителей магазина. Даже улыбающийся охранник показал мне кулак с поднятым вверх большим пальцем.

Обилие товаров, чистота и весь интерьер супермаркета поражали не только ребят, но и нас, современных людей, кто первый раз вошёл в него. Продуманность была во всём: в торговых секциях и в освещении, в подборе продаваемого товара и в его расположении по этажам, в детском развлечении и в обслуживании продавцами покупателей, быстро подобравших для моих ребят лёгкие летние рубашки и брюки. С выбором сандалий тоже проблем не было, и, переодевшись в обновки, они ничем не отличались от своих сверстников, кроме как хорошим знанием немецкого языка и синева под глазами.

Оставив Генриху деньги, чтобы он сам расплачивался за сделанные покупки, я пошёл искать отдел, где продаются диски с фильмами. Расспросив, где он находится у встретившегося сотрудника магазина, я купил для просмотра своим пленным диск с трилогией фильмов «Курская дуга», «Освобождение» и «Взятие Берлина». И только выйдя из отдела, я обратил внимание на приклеенную к стеклу бумажку с объявлением: «Не дайте обмануть себя в другом месте! Покупайте у нас!».

Вот теперь всё, можно ехать домой, если найду свою пе-

хоту. Но мои гренадёры сами меня нашли, а вернее натолкнулись на меня, несясь куда-то сломя голову.

– Мы вас потеряли, – голос Генриха был явно испуган.

– Ну, молодцы, что нашли! На сегодня развлекательная программа исчерпана, так что сейчас отвезу вас домой и, наконец-то, поставлю машину в гараж. Пошли на выход, гренадёры! Вперёд, к светлому будущему!

Дорога к моему дому не заняла много времени, и вскорости показался сосновый лес, в котором и находился наш посёлок. Лёгкий ветерок, пахнущий сосновой смолой, приятно освежил наши лица, когда мы вышли из машины и вздохнули полной грудью чистый воздух. А показавшиеся крупные собачьи лапы из-под закрытых ворот, говорили нам, что дома нас ждали, но очень обиделись! Блад всегда обижался, когда его надолго оставляли одного дома, но миска с едой была полная и другая с водой стояла не перевернутая – значит, наша соседка недавно приходила кормить собаку и налила ему свежей водички. Спасибо ей за заботу. Надо бы ей, не забыть, цветы подарить.

Вот только прикрыть двери вольера мне всё-таки пришлось не из-за того, что мой охранник мог броситься на незнакомых людей, а потому что эти люди не хотели выходить из машины, куда заскочили, увидев, что я пошёл открывать калитку. Чужой человек мог зайти во двор и даже переступить через лежащую собаку, но вот выйти ему уже не разрешалось и пресекалось очень жёстко. Далеко не каж-

дый мог бы рискнуть поспорить с этим сильным и умным псом.

Один мой знакомый, придя ко мне за электродрелью, стал укорять меня за такого флегматичного пса:

– Ну что ты, не мог приобрести себе хорошую овчарку? Нужно злобную, чтобы все боялись пройти даже мимо дома, а это что за собака? Жрёт и спит целыми днями!

– А с чего это ты взял, что у меня Блад такой ленивый? Ни чего подобного! Во-первых, он хороший хозяин двора и без его разрешения ни чего со двора не вынесешь, и не выйдешь, уже без моего разрешения.

– Кто, вот этот жирный телёнок хозяин двора? Да он и сейчас спит, аж храпит! Мимо него хоть толпа будет ходить, туда-сюда, он и не проснётся!

Блад одним глазом посматривал на нас, положив свою голову на лапы, и делал вид, будто не о нём был разговор.

– Да что же ты такой упёртый! Кто лучше его знает, я или ты?

– Так я и так вижу что это за пёс! Он у тебя начинает шевелиться только тогда, когда свою миску увидит, или когда блохи его совсем затопчут своими копытами!

– Да, он любит покушать! Не отрицаю! А разве он виноват в том, что я плохо готовлю и поэтому ему, достаётся больше чем мне!

– Всё равно я бы его не кормил!

– Вот у тебя и козёл твой такой же упёртый и бодливый,

как и ты!

– Зато на него мясо не нужно тратить! Козёл, на то и козёл чтобы быть с рогами!

– Ну, вы с ним прямо родня! Подожди здесь, сейчас дрель тебе принесу!

Меня эти слова тогда очень задели, и я, сходя в гараж за дрелью, положил её на землю около его ног и просто показал на неё пальцем Бладу.

– Ну и что дальше? – с недоумением спросил меня человек.

– Ничего, можешь брать, если не боишься!

Мужик пожал плечами, хмыкнул и нагнулся за дрелью, а разогнуться уже не смог... А я, мысленно послав его в пещее сексуальное путешествие, спокойно ушёл на полчаса в наш поселковый магазин. И всё это время, человек простоял в согнувшемся положении, даже не шелохнувшись! Очень он обиделся на меня, и даже нашу улицу теперь обходит где-то стороной, но зато зауважал моего Блада:

– Зверюга, а не собака! Разве можно такого зверя держать у себя дома? Только шевельнись... да какой там шевельнись – моргнуть не мог! Он такой оскал показывает, прямо ужас пробирает! И главное – я даже не заметил, когда он подошёл! Только взял в руку дрель, голову поднимаю – и нос в нос... Думаешь приятно было видеть перед своим носом этот жуткий оскал? Так всё время и простоял! Я думал у меня спина треснет!

Так-то! Обидел собаку – обидел хозяина!

В конце концов, в каждой избушке свои погремушки.

– Эй, пехота, выходите, хватит уже сидеть в машине! – позвал я своих интуристов.

Из-за забора слышались звуки закрываемых в машине дверей, тихий разговор, и из осторожно открывшейся калитки показалась голова самого смелого, кому поручили проверить – закрыт или не закрыт Блад в вольере.

– Заходите уже! Никто вас не съест! Что же вы, гренадёры, такую смирную собачку испугались?

Вот народ! Отправили на разведку самого слабого и худого – наверное, в надежде, что Блад подавится костями Иоганна, и пока этот зверь будет его пережёвывать, они успеют проскочить в дом.

После небольшого разговора остальные ребята стали осторожно заходить во двор и окончательно убедившись, что Блад сидит в надёжном вольере за закрытой дверью, осмелели и даже стали с интересом осматривать двор и дом, куда их привезли.

– Генрих, ты объясни ребятам, что сейчас мы будем знакомиться с хозяином двора, и пусть они не нервничают, как девки на выданье, а стоят спокойно, когда к ним подойдёт Блад. И запомните, он очень не любит трусов и сразу их чувствует, хорошо?

Ефрейтор и сам был не в восторге от моего предложения, но видя смир- но стоявшую собаку в надёжно закрытом во-

льере, храбро перевёл мои слова и что-то ещё добавил от себя, отчего вся команда вздохнула совсем свободно.

– Блад, дружок, выходи уже знакомиться!

Услышав мои слова, Генрих непроизвольно икнул и, бочком-бочком, сразу встал ближе ко мне, а пёс, толкнув головой дверь вольера, не спеша подошёл к нам и присев на задние лапы, стал с интересом разглядывать гостей, смешно наклоняя свою голову то к правому плечу, то к левому. Пересмотрев таким образом всю компанию, он подошёл к Курту и уселся у его ног.

– А почему он сел около Курта? – удивлённо спросил шёпотом Генрих, не понимая, почему именно на этого парня пал выбор моей собаки.

– Это он мне показывает, кого он начнёт жрать первым! Но если ты что-то имеешь против, то можешь поменяться с Куртом местами! Я не возражаю! – так же шёпотом ответил я парню.

– Ну, нет уж! Пускай жрёт Курта!

– Блад! Ко мне! Это свои! Не трогать! Они не вкусные! Так себе, как консервы из сайгака – не прожуёшь! Даже не полуфабрикаты! Ну, а вы что стоите? Проходите в дом, а мне ещё надо машину в гараж поставить и искупить вину перед Бладом за своё долгое отсутствие.

Поставив машину в гараж и закрыв въездные ворота, мы затеяли с моим очень большим другом дружескую борьбу, которая всегда доставляла нам обоим большую радость, а ес-

ли быть точнее, то радость получал только один Блад. Бороться с вёртким телёнком, который любил положить свои лапы на ваши плечи и повалить вас на землю – удовольствие маленькое, но необходимое!

Наконец-то я дома!

Наш мордастый котяра, шотландской национальности по кличке Барон, лежал как всегда на своём любимом месте, которым служила ему лестничная площадка лестницы, шедшая на второй этаж дома. Отсюда ему удобно было наблюдать за тем, что делается в доме, что принесли вкусно-го из магазина в холодильник, и, главное, следить за миской Блада у его вольера – отошёл ли пёс от неё или ещё нет. И если собаки небыло рядом с ней, кот стрелой летел на второй этаж, прыгал на яблоневою ветку, которая нависала над перилами балкона, бегом спускался по стволу дерева на землю и пулей нёсся к миске.

И ведь этот паршивец проделывал такое даже тогда, когда он не был голоден. Вот такое он у нас габдо! Этот крупный кот дымчатого цвета, с противным громким голосом, с вечно сердитой и нахальной мордой, был до ужаса вредным, злопамятным и мстительным. Он не позволял ни кому себя гладить и тем более брать на руки, и если вдруг кто-то позволял себе такие вольности, то всегда слышалось протяжное недовольно-хриплое мяуканье, громкое шипение рассерженного кота и сразу звучный вскрик «Ай!» или «Вот зараза!» прозвучавшие от неожиданного удара когтистой лапы. А если

кот за это получал сразу по шеям, то обязательно старался своему обидчику отомстить не сегодня, так при следующей встрече, неожиданно выскакивая из засады и глубоко кусая его ногу так, что раны заживали неделями.

Он и на меня такими глазами смотрит, будто это я нахально живу у него дома и на его взгляд, очень здесь загостился, и не пора бы мне уже иметь совесть и подумать, куда бы съехать подальше. И только с Бладом он лапы не распускал и старался меньше попадаться ему на глаза. А уж если пути-дорожки у них встречались, то он что-то там чуть слышно блял тонким голоском, отвернув в сторону голову, и после ухода своего врага, метил, паразит, свою территорию очень тщательно.

А в зале, на диване, сидели ребята с таким несчастным видом, как будто они были очень бедными и дальними родственниками, у которых сгорел дом. И теперь они пришли с просьбой пустить их только на одну ночь, не зная, как об этом сказать и как это будет воспринято мною.

– Генрих, какая вас муха укусила? Чего вы сидите с таким видом, как будто у вас спёрли последние рейхсмарки? Иоганн, «ауфштейн унд ком цу мир»! – и поманив парня пальцем, повёл его в ванную комнату, где показал, как открывается и смешивается вода, какое нужно взять мыло и шампуни, чтобы отмыть пыль чужих планет с молодых тел землян. И вернувшись в зал, застал ту же картину с сидящими молча ребятами.

– Что это за секреты от партизана? А ну, быстро выкладывайте! Не то вас всех Бладу скормлю!

– Дядя Максим, всё, что Вы нам говорили раньше, оказалось чистой правдой! Абсолютно всё! Мы и правда оказались в далёком будущем! И как же мы из этого положения выберемся?

Чувствовалось, что сейчас парень расплачется, а глядя на него, реветь примутся и остальные. И что мне тогда делать? Сопли им вытирать?

– Послушай, Генрих! Выхода нет только из гроба! Так что сидите и не нойте! Вам стоит только позавидовать, а они нюни распустили! До вас как до жирафов доходит! Это я в том овраге побывал в далёком прошлом, и притом не в самое лучшее его время! И сейчас постоянно стараюсь заставить вас посмотреть на ваше светлое прошлое и приспособить вас к настоящему. Долдоны немецкие! Вы лучше посмотрите и послушайте голос далёкой своей родины, которую вы ещё не знаете!

С этими словами, я с помощью дистанционного пульта включил телевизор, с подключённой к нему спутниковой тарелкой.

– Смотри, вот этой кнопкой, если её нажимать, будут переключаться телеканалы, в этом маленьком домашнем кинотеатре. Там их чёртова уйма! Найди немецкую речь, и ты будешь как дома, понятно? У вас дома, в Гамбурге, небыло ещё телевизора? В Берлине они уже стали появляться в неко-

торых домах. Что ты смотришь на меня? Не знаешь? Ну да ладно! Тогда я пойду на кухню и поставлю на плиту чайник. А заодно нужно срезать штук пять роз для соседки, а то забуду.

Я возился на кухне, готовясь не упасть в грязь лицом перед Европой, в зале диктор что-то говорил на немецком языке, а из ванны слышалась тихая лирическая песня, чем-то похожая на песню «Аты-баты, шли солдаты...» – значит один вылечился окончательно! Мне их надо было сразу, всем скопом, искупать, а я самогоном их отпаивал!

Набрав номер телефона наших соседей и поблагодарив хозяйку за заботу о моей собаке, я начал отвечать на массу вопросов о здоровье моей тёщи, хорошо ли несутся куры, хозяйничает ли во дворе ворона, жива ли ещё Марфушка и откуда у меня появилось столько много молодых племянников? Откуда-откуда, на дороге нашёл! Вот бабы! И углядела ведь! Дочка у неё на выданье, вот и беспокоится.

– Ой, сосед, я совсем забыла! Ты ведь мне кофе в зёрнах дать обещал! А то у меня мой совсем закончился! Сейчас прибегу!

– Ну, приходи, и дочку свою с собой захвати, а то ведь одна не донесёшь!

А что я ещё должен был сказать? Нет, дорогая, извини, они ещё в трусах перед ванной стоят, выстроившись в линеечку? Так она ещё быстрее прибежит, чтобы весь экстерьер рассмотреть, а так хоть время у нас будет в запасе, пока они

прихорашиваются перед зеркалом. Ведь её легче не пустить, чем потом выгнать! Хорошо что позвонила, а то я про цветы совсем забыл.

Диктор в зале продолжал что-то объяснять своим новым слушателям, а эти святые души смотрели на него с таким вниманием, как будто вот сейчас на экране обязательно покажутся их родные матери.

– Это правда, что сейчас в Германии канцлер женщина?

– Правда, а что здесь такого? За неё, когда-то давно, проголосовали больше половины жителей вашей страны. И не глупая, вроде бы, баба, но не следит за своим макияжем. Ей бы очень пошли хорошие тени вокруг глаз, но для этого этой фрау мужа надо хорошего, чтобы иногда мозги вправлял ей на место! А то она как перевертыш – говорит одно, делает другое! Недавно она даже размечталась поменять власть в Кремле, чтобы Обаме жилось спокойнее. Да и с глазными нервами у неё не всё в порядке – в сторону России она даже боится посмотреть. Лечиться старухе нужно, а она всё трудится на благо Америки!

– Поразительно! Такого в истории Германии ещё никогда не было!

– Чего не было? Красивых синяков вокруг глаз у Федерального канцлера или косоглазия? Ну, так это дело наживное!

– Да нет! Женщины-канцлера!

– Привыкай, парень, я ведь тебе обещал, что ты увидишь

много нового. Вот теперь и переваривай всё! Отправь-ка ты Отто, что ли, в ванную к Иоганну, спину потереть. А то он там, как на Канарах, нежится! К нам дамы придут скоро, а ещё четверым мыться нужно! Вы должны быть все чистенькие как ангелочки, потому что мне вас, старых сморчков, ещё нужно каким-нибудь красоткам сбагрить, пока моя жена не приехала. Только вашими солдатскими книжками перед ними не хвастайтесь! И ещё! Ты мой племянник, а остальные просто твои друзья по институту и спортивной секции. Понятно?

– Это для вас так важно или так нужно?

– Это очень важно! Ты думаешь, соседка успокоится на этом визите? Увидев вас, она ведь теперь будет Бладу каждый день сосиски килограммами таскать и обязательно пристанет к моей жене с расспросами, а мне это нужно? А так, трое друзей по институту, попросили Генку показать Прохоровское танковое поле. Генка, кстати, – это ты! Геннадий, Гена, Геночка – это всё ты! Всё понятно? Ну и хорошо, я надеюсь, что ты справишься!

К нам в зал вошёл Иоганн, чистенький, аж светился своей вымытой кожей и даже синяки куда-то расплылись, став менее заметными.

– Ты спроси у него, он помыл после себя ванну, или Отто залез в неё, как в корыто, в котором мылось половина взвода?

– Говорит, что помыл, но не очень, его Отто выгнал.

– Чувствуются гены в крови экономной Германии. Приедет домой – ещё экономней станет!

Раз будут у нас гости, значит, ужинать будем на большой веранде. Там и просторнее, и уютней будет от пылающего камина при наступающем вечере.

Я люблю свою веранду с большими, до пола, окнами, выходящими на фруктовый сад, со спрятавшейся в нём увитой виноградом беседкой, небольшим прудиком с каскадным водопадом и журчащей по камням водой, стекающей от водопада обратно в пруд. Здесь всегда легко дышится, здесь можно спокойно отдыхать и принимать своих друзей, приглашённых на шашлыки. А вечерами сами собой загораются фонарики, освещая дорожку от дома к беседке и вокруг воды, создавая какую-то декорацию к маленькой сказке о маленьком гноме с фонарём, который спрятался под лапой стелющегося казацкого можжевельника, лежащей на крупном речном валуне. А зимними вечерами, когда распахнуты шторы на больших окнах, всегда кажется, что белые сугробы ещё чуть-чуть и шагнут прямо в тёплую веранду. И только горящее пламя в большой топке камина не даёт зиме сделать этот опрометчивый шаг.

У дверей веранды нетерпеливо топтался Блад, ожидая, когда его впустят, чтобы полежать на своём любимом месте у камина, какое он никому не уступал. Нельзя заставлять ждать своего верного друга перед закрытой дверью, иначе он будет потом дуться весь день и вечером не уляжется у моих

ног смотреть телевизор. Впустив премудрого пса, я принялся разжигать огонь в топке камина, обложенного крупными речными гольшами, отчего сам камин выглядел древним, а обрамляющая его каминная полка, сделанная из проструганных двух шпал, очень хорошо подходила к натуральным камням.

Два года назад, провозившись с постройкой этой веранды до поздней осени, я всё-таки сделал так, как было задумано прошлыми зимними вечерами. Особенно много сил было затрачено на изготовление паркетного пола, выложенного цветочным рисунком из разных пород дерева, что вместе с камином и потолочными балками создавало интерьер средневекового замка. Эта веранда для нашей семьи была и местом отдыха, и столовой для большого числа людей, и спортивным залом, где меня вечерами обыгрывали в настольный теннис мои внуки, и большой лоджией для комнат второго этажа, с уложенной, вместо надоевшего линолеума, искусственной травой футбольного поля во всю веранду.

Наконец-то пришли мои долгожданные соседки на свои смотрины с большим подносом только что испечённых пирожков, и дом сразу наполнился женской трескотнёй, запахами парфюмерии и вкусного печёного теста. Вот теперь пускай покрутится Генрих со своим переводом на немецкий язык своим друзьям неумолкающей болтовни пришедших гостей, а я хоть немного передохну от вопросов и ответов. Даже Блад, услышав знакомые голоса, поднял голову и, тя-

жело вздохнув, уронил её снова на протянутые свои лапы. Он всегда считал, что этим женщинам следует прощать абсолютно всё, ввиду их врождённой умственной ограниченности.

Вручив цветы и получив в ответ слова благодарности: – Небось на кладбище надрал?! Я ушёл на веранду.

До меня доносились голоса троих людей, которых я понимал, с изредка вплетающимся немецким говором, и теперь уже мне пришлось удивляться, когда это Генка научился так складно брехать лучше меня. Но получалось это у него очень убедительно, и, наверное, лапша у моих милых женщин на ушах висела густо!

Ко мне на веранду впорхнула моя крупнотелая соседка с перебинтованной рукой, раскрасневшаяся, со счастливыми глазами от увиденного.

– Господи, что случилось? Ты руку поломала?

– Ай, не обращай внимания! Меня вчера какая-то собака на улице укусила.

– Что значит «какая-то»? Бешеная, наверное, была?

– Да нет, нормальная!. Что я совсем дура бешеную за хвост дёргать?!

– Ну, слава богу, а то ты меня совсем испугала. Врач-то хоть тебя смотрел?

– Да он всё время как я пропальваю огород, за мной наблюдает из-за занавески! Ой, да ладно, не обращай внимание.

Конечно, я понимаю, что баба с прицепом, но и я ведь не Путин!

– А вот ты, сосед, меня и уди-ви-ил! Какой у тебя умный и воспитанный племянник! Он так чисто говорит на немецком языке, просто стоит восхищаться его произношением – ну просто не отличишь от настоящего немца! Где он так научился?

– Да он же с детского садика посещал кружок немецкого языка, потом школа с углублённым знанием и дорогой домашний репетитор, блестящие знания истории Германии и нешуточный интерес к гематологии, потом поступил в МГИМО...

– О боже! – прошептала она. – Это же институт золотой молодёжи... Какая удача! Господи! Какая у парня целеустремлённость! Какая умница! Это ж сколько ему лет? Жениться ещё не собирается?

– Да куда ему жениться? Ты что? Только восемнадцать парню стукнуло! Вот в армию ходит, отслужит на благо своего фатерлянда, а там видно будет.

– В армию... – сказала и задумалась.

– Давай я его от армии откуплю, а ты с его родителями и всеми вашими родственниками деньги на свадьбу соберёте. Ведь мужик без бабы, что собака без блох. А так, с каждого по чуть-чуть, вот тебе и детям свадебка с домиком.

– Ну, ты, соседка, и даёшь!! Всех уже успела подсчитать!

– А как ты хотел? Дело то серьёзное! Курочка по зёрныш-

ку клюёт, а весь двор в говне! У тебя есть возможность откладывать деньги на свадьбу своего племянника?

– Возможность есть, денег нет!

– Так ты чё, не отложил себе на чёрный день?

– О, конечно отложил! Вот теперь я, с нетерпением, и жду, когда же он наступит, пока моей дома нет!

– Ну да, так я тебе и поверила! Совести у тебя нет! Единственному племяннику тебе денег жалко! Да тебя всю жизнь совесть будет грызть за это!

– Моя совесть правильно воспитана и своего хозяина грызть не будет!

Послушай, у тебя случайно нет какой-либо наследственности?

– Конечно, есть! Стремянка, с которой я недавно упала. Она досталась мне ещё от моей бабушки. А что?

– Да нет, ничего, я просто так спросил.

– А чего они все в синяках?

– В поезде с какой-то толпой пьяных мужиков подрались! Они же все каким-то восточным единоборством занимаются! Говорят, что многих из вагона «скорая» забрала. Ну, как всегда в этих случаях, остановили поезд, полиция там разная, но всё обошлось! Всё-таки иностранцы, как-никак, и трезвые...

– Ну да, ну да! Нет, но какой умница, просто умница! Какое стремление к знаниям! А что такое «гематология»?

– Это такая наука о чистоте крови.

– Ой, моя Ленка с него просто глаз не сводит! А когда жена твоя приезжает? Что-то она у тебя загостилась! У тебя, случайно, нет желания заняться сексом?

– Когда у меня появляется желание заняться сексом, я ложусь на диван и жду, когда это желание само пройдёт!

– А остальные что, совсем ничего не понимают по-русски?

– Ни бум-бум! Они же только неделю назад в Россию приехали! Не успели научиться. У меня Блад лучше них всё понимает и говорит! Уже стал чисто выговаривать слово «муама», правда, только когда спать ему хочется. Давай лучше на стол накрывать – молодёжь там и без нас разберётся!

Разложив на веранде теннисный стол и расстелив на нём белоснежную скатерть (меня убьёт жена, если на ней будет хоть пятнышко!), расставив стулья, мы с соседкой сообща накрыли стол и позвали золотую молодёжь.

К безмерной радости мамыши, первыми появились, чуть ли не под ручку, сияющая Ленка и Генрих. Её сарафан, со вкусом пошитый под русский национальный наряд, выгодно подчёркивал все её достоинства. Даже я отметил, с какой грацией вошла она к нам на веранду, покачивая бёдрами и ища глазами, где бы ей сесть за стол так, чтобы выглядеть ещё неотразимей, рядом с моим галантным аксакалом. Следом за ними, пропуская в дверях друг-друга вперёд, появились ребята, успевшие причесаться и переодеться в новую одежду, вошли, шлёпая по паркету голыми ступнями, оставляя на полу свои мокрые следы. И наверняка сейчас

Отто сидит в ванне и стирает вонючие носки, в спешке снятые с невымытых ног его друзей и брошенные к нему в воду, чтобы не воняли на весь дом.

Вошли парни на веранду с лёгкой улыбкой на лицах, вызванной скорее запахом ароматного кофе и свежих пирожков, чем присутствием за столом дам. Генрих, как истинный офицер Кайзера, ухаживал за молоденькой соседкой, предлагая ей пирожки с таким видом, будто это он только что их сам испёк и ждёт услышать заслуженную похвалу. А Ленка, за оказанное ей внимание, смотрела на парня так, как когда-то Лариса Голубкина смотрела на поручика Ржевского, в фильме «Гусарская баллада», и точь-в-точь, как и она улыбалась, хлопая своими покрашенными ресницами.

Забывая о том, что мои гости ни бельмеса не понимают по-русски, моя соседка что-то принималась им рассказывать, но тихое «нихт ферштейн» на время заставляло её замолкать. Тишина длилась недолго, и она вновь принималась их расспрашивать о новостях культуры и ценах в магазинах Гамбурга.

– Ой, сосед, ты меня прости, но я совсем забываю о том, что они не понимают по-нашему! А отвлекать Геночку от разговора с моей Леночкой я не могу! Они прямо подходят друг другу, посмотри сам, ну просто голубки! Как ты думаешь, может быть, они встретятся сегодня со своей любовью? Какое счастье для меня было бы, если бы моя Леночка понравилась Геночке!

– Э-хе-хе! Всё может быть! Но знаешь, в наше время можно встретить та-кую любовь, что лучше бы сразу застрелиться! И потом у нас с тобой разное понятие о счастье. Моё счастье, это когда дети и внуки сыты, обуты и одеты, здоровы и племянников нет рядом! А на счёт того чтобы тебя понимали эти иностранцы – ты закрой рот и показывай всё, что хочешь сказать, на пальцах, как наши глухонемые за границей делают!

– И что, их понимают там?

– Ещё бы, конечно, понимают! Ведь это французский жестовой язык! Такие вещи, соседка, стыдно не знать! Его все на Западе знают! А если в хорошей компании они примут ещё и по стакану хорошего дринка, то могут сообща и диссертацию написать! Только ты, пожалуйста, своими пальцами русскую азбуку не изображай перед ними, всё равно они её не поймут – лучше молча сиди, им будет гораздо приятнее так тебя слушать. А то напишешь, не дай бог, чтонибудь не так и всё, международный конфликт и опять «Гитлер капут!» Ферштейн?

– Чего?

Открылась дверь, и к нам на веранду вошел сияющий Отто, и ожидаемый сурдоразговор не начался.

– Знакомьтесь, это Отто, ещё один друг нашего Геннадия!

– Гуттен абенд! – парень с достоинством кивнул всем головой и, заняв пустующий стул по другую сторону от «фройлен», принялся за кофе с истинными манерами вышколен-

ного аристократа. Откуда он такого нахватался – понятия не имею, но не в ванной же, и навряд ли этому его научили в потустороннем мире. Но наша Леночка мгновенно углядела в нём древнюю кровь Нибелунга, и её распахнутые настезь ресницы так и остались открытыми, как ставенки сельского домика. Что она могла увидеть в этом увальне, я даже представить себе не мог, но по забеспокоившейся мамаше, мне сразу стало понятно, что её дочка спутала все маминны карты! Генрих, получив неожиданную передышку, ушёл на кухню с чашкой в руке – наверное, за новой порцией кофе, и над столом повисла тишина, разделённая языковым барьером.

Я своим соседкам был совсем не интересен, и с уходом Генриха между двумя чистокровными нациями возникла языковая стена, которую кто-то очень хотел преодолеть, а кто-то – тихо за ней отсидеться. Ребята налегли на пирожки, долгие годы не входившие в их рацион, чем очень радовали мою соседку, расстроенную неожиданным дочкиным выбором. Я представляю, как ей дома влетит от матери по первое число, и она за этот вечер ещё не раз будет ревмя реветь! Но сейчас для любящей мамашы не всё ещё было потеряно, и она, умоляюще глядя на меня, сказала:

– Сосед, дорогой, выручай меня! У тебя дома есть музыка?

Но меня опередил умница Курт, услышав знакомое слово «музыка». Он сразу стал хлопать себя руками по карманам

рубашки и брюкам в поиске своей губной гармошки, но догадливый Отто показал тому свой кулак, чем быстро пресёк стремление музыкального вундеркинда блеснуть перед дамами своими талантами. Слава богу, и спасибо догадливому Отто, а то я уже представил, как будет разрываться сердце моего Блада, когда он примется подпевать под звуки этого мини-органа своим голосом, похожим на рёв рассерженного медведя.

Сегодня обязательно нужно будет сделать доброе дело и отправить Курта с его гармошкой, вместе с Бланом, под Ленкины окна – пусть исполнят какую-нибудь серенаду, на ночь глядя. Крепче спать девка будет! Да и Курт выполнит, наконец-то, свою давнюю мечту и успокоит плачущую девчонку, никак не решившую ещё, какого рыцаря выбрать себе в суженые.

Вернулся Генрих с большим бокалом кофе, но пирожки на столе уже закончились, и он опять ушёл на кухню, что-нибудь там найти пожевать, и вечер был окончательно испорчен, да и соседка заторопилась домой:

– Уже поздно, а завтра на работу, да и темно на дворе!

– Геночка, будь другом, наши гости уходят – проводи их до самого дома! Пойдём, соседка, я тебе отсыплю обещанный кофе, а то как-то неудобно мне – ты так старалась все эти дни для меня, а я про кофе забыл! Да и вечер не удался!

– Ничего, я ей дома покажу, как глазками стрелять не в ту сторону!

Ребята пошли провожать наших соседей, а я поставил диск с фильмами о той войне в видеомагнитофон, чтобы они реально увидели её своими глазами, ту войну, до которой они так и не дошли, встретившись с чем-то непонятным и страшным.

Мне не даёт покоя этот случай, с каким я столкнулся в том овраге, и участвовавшие случаи появления НЛО, зафиксированные людьми в разных точках земного шара, как в небе, так и в водах океанов. Не будем говорить о несущихся из глубин космоса в сторону Земли мелких и крупных астероидов в форме булыжников. А вот из каких глубин космоса прилетел и чуть не столкнулся с Землёй абсолютно круглый шар диаметром ни меньше 5 километров, чистенький как шарик от новенького подшипника, и рядом с ним, и чуть выше, был такой же круглый, но раза в три меньше размером, и такой же блестящий. Цвет поверхности был светло-золотой, с перламутровыми разводами, и прошли они, в абсолютной тишине, между Луной и Землёй. Если у маленького его спутника кометный хвост был похож на форму рыбки скалярии, но без хвоста, то за крупным шариком тянулся след в форме пламени пропановой горелки, длиной несколько тысяч километров. Пролёт космических пришельцев мимо Земли я наблюдал осенним вечером в восемьдесят четвёртом или восемьдесят пятом году, без бинокля. Этих гостей видели люди в Луганской (я с одним очевидцем разговаривал), в Донецкой, Николаевской и Одесской областях, которые также

испытали, наверное, дикий ужас от увиденного зрелища. Это был не обломок какой-то планеты, и не гаечный ключ утерянный космонавтами, как писала «Комсомольская правда», а сделанный космический корабль руками какого-то далёкого разума, где-то в других галактиках. А скорость их полёта превышала скорость нашей космической станции раза в четыре, если не больше.

Но этот любитель дальних круизов по задворкам большого космоса пролетел тогда мимо нас, а как понимать НЛО, снующие у нас, на Земле, где можно и нельзя, и невозможно в нашем понимании? А случай с этими ребятами вообще выходит за рамки как-то его осмыслить, но сильно настораживает и заставляет думать, что чужой внеземной и очень опасный разум уже рядом с нами собирает о землянах нужную для него информацию. И мы все находимся у него как на ладони, под любопытным и недобрый взглядом, противостоять которому абсолютно не в силах.

На входной веранде слышались голоса пришедших ребят, они вошли, продолжая какой-то начатый ещё на улице разговор между собой, даже не желая делиться со мной своими секретами.

– Ну, рассказывайте, как прошла прогулка с нашими дамами? Надеюсь, что вы доставили их домой целыми и невредимыми? А как вам понравилась наша юная «фройлен»?

Машинально сделав перевод моих слов, Генрих, сам рассмеялся и безнадёжно махнув рукой, глянул на Отто. Ребята

уже не скрывали своего смеха, и Отто, насупившись, ушёл на диван. Курт, давясь от смеха, пытался на своей дудке сыграть марш Мендельсона, под рёв охрипшего контральто моего Блада. Но верхняя нота псу не удалась, и он замолчал.

– Как говорила моя любимая бабушка, сегодня вечером кое-кому предстоит принять большую клизму! Но это к нам не относится!

Понятно, мои прогнозы начинают сбываться!

– Скажите, пожалуйста, Вы не скажете, почему ваши соседи живут в такой роскоши?

– Да чёрт его знает! Наверное, из-за недостатка доказательств! Курт, ты не хочешь сегодня ночью попеть вместе с Бладом под окнами этой девушки? Всё-таки жизнь нам даётся только один раз, и её нужно прожить так, чтобы не было скучно соседям! Как ты думаешь?

На мой вопрос и генриховский перевод уже смеялись все, и даже Блад, и Отто на диване!

– Тоже мне, кавалеры! Пошли тогда посмотреть интересный фильм, в котором вы могли бы реально поучаствовать! Но сначала разложите диван! Нет, у вас не получится! Вы его скорее разломаете, чем разложите! Подтаскивайте лучше к дивану кресла и ставьте с ним рядом.

Разложив диван с креслами и выложив все постельные принадлежности для сна, я включил телевизор, а гости, разобравшись, кто-где спит и подложив под головы подушки, приготовились смотреть кино на дому. Курорт моим окку-

пантам был полный!

Чтобы не мешать ребятам в просмотре фильма, я позвал своего верного друга, и мы поднялись к себе наверх, но в спальне было душно, да и ложиться спать было ещё рановато, и мы вышли на балкон, который Блад не очень любил – из-за искусственного покрытия, имитирующего зелёную траву, но коловшая лапы и тем не менее он не упускал случая поваляться на нём, устраивая себе массаж спины. А вот когда поздним вечером включали подсветку на дне пруда, Блад высовывал голову за перила балкона и с интересом наблюдал сверху за плавающими рыбами, высматривая, какую бы ему рыбу поймать, чтобы осталось ещё и на завтра.

Вечер был тихий и тёплый, сильно пахло разогретой за целый день на ярком солнце сосновой смолой, и даже вездесущие комары ещё не разыскали человека на балконе. И только доносившийся громкий голос из открытого окна соседского дома напоминал о том, что ты не один в лесу, а среди цивилизованных людей, которые ведут жёсткий подбор зятя для тёщи и мужа для дочки.

– ...скормила целый поднос пирожков, которые пекла весь вечер для твоего папы, а ты, вертихвостка, стала крутить юбкой перед совершенно другим, а не...

Голос рассерженной женщины то затухал, то усиливал своё звучание, не успевая за ходившей по комнате соседкой, чтобы целиком донести до меня весь разговор, который я и так знал от начала до конца.

– ... для чего она висит у тебя в спальне? Когда я была молодая, я каждый вечер молилась Богу вместе с мамой, чтобы он дал мне хорошего мужа. И Бог дал мне хорошего мужа. А вот за моего мужа никто не молился, и он не молился, и ему досталось то, что досталось – даже дочку не научила брать то, что само идёт в руки!.. Да будь я на твоём месте, я бы...

Ребята были правы: клизму, Ленка, получает по полной программе!

– ... стараюсь найти достойного для тебя мужа, а не голодранца местного! Имея таких родителей как у тебя, ты должна в шоколаде жить! Мужа себе с умом нужно выбирать, моя дорогая, и до тех пор, пока не попадётся стоящий. Не для того я тебя рожала, растила, не досыпала и не доедала, чтобы отдать какому-то тупому дебилу, который и рубля заработать не может. А ты отвернулась от умного парня, а второй отвернулся сам от тебя! Чему я тебя...

– ... я очень старалась, мама! Но он всё время говорил мне о своем родственнике, в каком-то Фатерлянде по фамилии Вермахт!

Да уж, шоколад такая штука, растает и не заметишь!

Блад откровенно зевал и упорно разучивал слово «мама», но пока это у него получалось плохо, и он виновато поглядывал на меня своими умными глазами, как бы говоря, что всё равно научусь, только вот мне непонятно, почему твой телевизор смотрят сегодня чужие, а не ты? Они даже

не пахнут как люди! Может быть, мне их разогнать по углам потолка?

– Да ладно тебе! Лежи спокойно и стереги своих рыб, чтобы не убежали! Пойду, принесу тебе что-нибудь вкусненькое.

Этот пёс понимал всё, что ему говорит человек. А когда внуки были ещё маленькие и близко подходили к берегу пруда, Блад, невзирая ни на какие протесты, как бы они ни возмущались ещё одной нянькой-деспотом, настойчиво оттирал их подальше от воды своим мощным туловищем. А когда пацаны подросли, то он мог и рывкнуть так, что всякое желание искупаться у них пропадало напрочь. Но обидней всего было то, что жаловаться на Блада родителям было нельзя – попадало ещё больше! Даже моя соседка, после одной незначительной стычки между нами, оставила Блада и меня в покое.

А дело было так. Она всегда, работая в огороде, любила петь песни, но так как бог слуха ей не дал, а голосина был ого-го, то мой Блад, по своей доброте, старался всегда ей в этом помочь, когда она орала в своё удовольствие. То ли она завидовала, что у моего пса голос был лучше поставлен, то ли слух у него был тоньше, и он попадал в ноты, но она, однажды дождавшись меня у забора, сказала:

– Сосед! Ты не мог бы куданибудь деть своего пса?

– О, а это ещё зачем? Чем он тебе помешал?

– Да он воет, когда я начинаю петь!

Мне ничего не пришло в голову, как ей сказать:

– Но ведь ты же сама первой начинаешь...

– Но я же так не вою?!

– А мне вообще кажется, что вы поёте в одной тональности! Но ты же знаешь, я в музыке не силён – мне ещё в детстве медведь на ухо наступил, когда я с мамкой в лес за малиной ходил.

Соседка месяц со мной не разговаривала!

А в зале гремела Курская дуга, и мешать ребятам в её просмотре не хотелось – они заочно знали об этой битве больше, чем Манштейн! Пусть увидят и почувствуют хотя бы десятую долю процента всего ужаса и крови от того сражения, ставшего последним крупным наступлением гитлеровцев на Восточном фронте.

Пока мои немцы лежат «в засаде» на диване, укрывшись белыми маскхалатами, нужно сварить кашу моему другу, а то он как-то косо смотрит на моих гостей, да и себе чего-нибудь жиденького не мешало приготовить.

Занимаясь стряпнёй на кухне, не замечаешь, как быстро бежит время, и вроде бы всё кипит и булькает, но если чего-то забыл положить или не хватает, тогда ищешь это необходимое по всем ящичкам и полочкам, а находишь в баночке с (чуть было не сказал, в баночке с шурупами) из-под чая! Вот и сейчас, пока я искал, куда жена сунула лавровый лист, закончился фильм, и разгромленные немцы появились у меня на кухне, но без белого флага, а скорее всего, привлечён-

ные вкусным запахом каши моего Блада.

– Ну как, понравился вам фильм?

– Если нам так страшно было смотреть этот фильм, то, что творилось на самом деле на поле боя? Как вовремя вы нас вытащили оттуда!

– Ну, да, и катал вас на своей машине семьдесят лет! Налей-ка лучше воды в чайник. Будем чаёвничать с вафлями и вареньем. Любите варенье? У меня есть вкусное клубничное варенье, но оно очень сладкое, так что много сахара не сыпьте в чашку, а то ещё что-то слипнется!

Каша с кусочками мяса была готова, да и суп на косточке уже подходил к готовности, осталось только приправить зеленью и дать немного потомиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.